

MILLENNIUM ISSUE

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ

WE/МЫ

ДИАЛОГ
ЖЕНЩИН

THE WOMEN'S
DIALOGUE

XXI

Специальный выпуск

WE/МЫ

ДИАЛОГ ЖЕНЩИН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ

THE WOMEN'S DIALOGUE

Спецвыпуск 2000

«WE / MY»

Диалог женщин

The Women's Dialogue

Международный женский журнал, спецвыпуск 2000

Проект «WE / MY» осуществляется Национальным комитетом по исследованию жизни женщин (США) и Ассоциацией журналисток (Россия)

Специальный номер журнала вышел в свет при поддержке Женской сетевой программы Института «Открытое Общество»

Над выпуском работали:

Надежда Ажгихина, Колетт Шульман,
Елена Черкасова, Ирина Савельева,
Лариса Лебедева, Наталья Каменецкая

В редакционный совет также входят:

Катрина ванден Хувел, Мариам Чамберлен,
Анастасия Посадская-Вандербек, Елена Кочкина, Ольга Липовская,
Любовь Штылева, Лариса Бойченко, Наталья Васильева, Елена Гоцило

Рабочая группа издательства «Эслан»:

И.Матушкина (отв. за выпуск)
Т.Шишова, Л.Лебедева, И.Сердюков, О.Пилюзина

Отзывы и предложения

Вы можете направить по адресу:

125319 Москва, а/я 43

e-mail: aslan-hpi@mtu-net.ru

ISBN 5-7756-0022-3

ISBN 5-7756-0099-1

© Колетт Шульман, Надежда Ажгихина, 2000 г.

© Художники. Наталья Каменецкая,

Лариса Лебедева, 2000 г.

© Оформление. Издательство «Эслан», 2000 г.

Издание зарегистрировано в Государственном Комитете Российской Федерации по печати 14.10.1997 г.
Регистрационный номер свидетельства 016677.

При перепечатке ссылка на «WE / MY» обязательна

Сдано в набор 10.01.2000. Подписано к печати 15.02.2000. Тираж 5000 экз. Физ. печ. л. 5,5.

Печать офсетная. Гарнитуры «Таймс», «Прагматика».

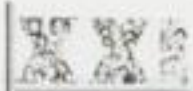
Издательство «Эслан» (тел. (095) 151-52-28), издательская лицензия ЛР № 065736 от 11.03.1998.

Отпечатано в Подольской типографии: 142100 г. Подольск, ул. Кирова, 25.

Заказ № 564.

СОДЕРЖАНИЕ

Н.Ажгихина «Заметки редактора»	4
Е.Кочкина «Парадоксы всемирной истории»	5
✓ Г.Стайнем, Н.Ажгихина «Революция в нас самих»	10
✓ И.Жеребкина «Противоречия и проблемы в теории современного феминизма»	11
✓ Н.Ажгихина «На пути к обретению силы»	15
✓ А.Альчук «Роль женщин в истории визуального искусства XX века»	23
А.Андреев «Феминизм африканского цвета»	26
Г.Гришина «Женщины в паутине Интернет»	27
Г.Силласте «Батальоны амазонок» проголосовали... за мужчин»	29
К.Шульман «А.Э.Рузвельт часто вспоминает свою знаменитую бабушку»	32
А.Ваганов «Технология для — и — против женщины»	35
С.Айвазова «Второй пол» и женское движение в России»	37
Информация о Женской сетевой программе ИОО — Россия 2000	39

ЗАМЕТКИ РЕДАКТОРА

Самое удивительное, что он наконец наступил, этот долгожданный год, с которым были связаны надежды, ожидания, фантастические проекты, всевозможные конкурсы, призы, самые разнообразные мероприятия, предвещения — то конца света, то приближения новой эры, похожей на рай на земле. Какая-то магия для миллионов людей заключалась в этой цифре — 2000, и наверное, многие из нас неосознанно ждали и для себя лично чего-то нового.

Впрочем, стоит сказать и о том, что миллионы людей в тот же период ничего особенного не испытывали — прежде всего потому, что исчисляли ход времени не от рождения Христа, а от других значительных событий в собственной истории. И для китайца или индуса две тысячи лет — не такой уж невообразимый срок.

Круглые даты имеют свойство побуждать к раздумьям о смысле вещей вечных и преходящих, к подведению итогов. Не раз и не два в канун 2000 звучала мысль о том, что наша западная цивилизация находится на переломе, готовится к новому, более совершенному витку развития. Не раз и не два говорилось о том, что в будущем женщинам предначертано играть более заметную роль в жизни разных обществ. Кто-то связывал это с наступлением эры Водолея, кто-то — с историческим ходом событий, во всяком случае, самые разные люди сходились во мнении относительно новых приоритетов.

Мысль эта, кстати, вызревала довольно давно, и обусловлена соединением самых различных обстоятельств. Стоит вспомнить о том, что в течение XX века роль женщин в подавляющем большинстве государств действительно заметно изменилась по сравнению с многими другими предшествующими столетиями. Именно в XX веке в большинстве стран мира женщины впервые обрели право голоса, стали полноправными участниками политических процессов. Женщины получили право не только участвовать в голосовании (вспомним, что в Соединенных Штатах в XIX веке женщинам грозило тюремное заключение только лишь за появление на избирательных участках!) — но и право быть избранными. На сегодняшний день женщины представлены в парламентах и правительствах всех континентов, а в некоторых странах (прежде всего Северной Европы) их количество приближается к 50% от всех народных избранников и действующих министров. Теперь министр иностранных дел, законодатель и даже руководитель вооруженных сил государства в юбке уже не вызывает удивления у сограждан и мировой общественности, и это важный знак перемен.

Женщины составляют значительную часть мирового рынка труда — для них стало привычным делом работать вне дома и получать равную зарплату за равный труд (хотя бы формально). Не станем утверждать, что все относительно равенства возможностей женщин и мужчин в политике или бизнесе превосходно, женские организации, а также структуры ООН активно работают в этой области, стремясь сократить до минимума приметы скрытой дискриминации — но факт состоит в том, что идея равных прав и равных возможностей стала одной из наиболее актуальных в современном мире. Организация объединенных наций полвека назад создала специальные подразделения и агентства, посвященные проблемам равноправия и улучшения положения женщин, Мировой банк создал экспертный совет по гендерным вопросам, во многих странах работают уполномоченные по правам равноправия — это ли не свидетельство принципиально нового подхода к пониманию вопроса? Нельзя не вспомнить и о всемирных конференциях по положению женщин — от Мехико и Найроби до Пекина, в ходе которых вот уже 25 лет идет плодотворная и упорная работа над изменением статуса женщины в политике, экономике, общественном сознании.

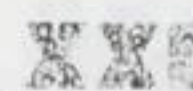
В 20 веке женщины смогли воспользоваться достижениями современной медицины, что также в корне изменило жизнь. Прежде всего во много раз сократилась смертность во время родов (основная причина женской смертности на протяжении тысячелетий), современные средства контрацепции дали возможность контролировать репродуктивную функцию — что немедленно дало возможность миллионам женщин самостоятельно решать, сколько детей иметь и в какое время, рожать часто или подождать с очередным ребенком — скажем, чтобы получить образование. Именно последнее помогло многим жительницам земель распахоты с нищетой и болезнями, обрести профессию, увидеть новые горизонты собственной судьбы.

Наконец, такой феномен как женское движение, заявил о своей силе на национальном и международном уровнях, стал фактором политики, борьбы за мир и охрану окружающей среды, движения за социальную стабильность.

В настоящем выпуске мы коснемся лишь некоторых из тем, так или иначе связанных с наступлением «эры женщины». Многие наши соотечественницы с энтузиазмом относятся к наступлению «женского рая» (как некогда — к победе коммунизма?), полагая, что новый порядок всех сделает счастливыми. В одной российской газете в канун Нового года был предпринят опрос женщин, посвященный их мнению о наступлении «эры женщины». Респондентки принадлежали к самым разным возрастным и социальным категориям — пенсионерки и студентки, домохозяйки, предпринимательницы, ученые — и все приветствовали «женский век» абсолютно искренне. Лишь одна из опрошенных (кстати, социолог) выразила сомнение в том, что женщины, воспитанные в жесткой мужской цивилизации, смогут, обретя власть, немедленно проявить все свои лучшие качества. Думается, здесь есть над чем подумать.

В нашем специальном выпуске (который увидел свет благодаря поддержке Женской сетевой программы Института «Открытое общество») мы коснемся некоторых аспектов современной дискуссии. Она отражает прежде всего тот мир и те проблемы, которые волнуют женщин и мужчин (ибо все проблемы женщин касаются мужчин в равной степени, если следовать нормальной феминистской логике, которая есть логика реального равноправия) в разных странах. Надеемся, наши материалы помогут тем, кто интересуется историей современности, развитием демократии в России и в мире и верит в то, что завтрашний день должен быть более гармоничным, чем день сегодняшний.

Надежда Ажгихина

Елена Кочкина

директор Женской сетевой программы
Института «Открытое общество»

ПАРАДОКСЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

Очень интересно посмотреть именно сейчас, на рубеже тысячелетий, на то, как права женщин выглядят в масштабе всемирной истории. Считается, что академическая дискуссия о том, когда матрилинейное общество сменилось патрилинейным, начатая 150 лет назад известным трудом Баховена «Матриархат», окончена. Археологи, этнографы, антропологи, историки культуры, исследователи мифов и психоаналитики подтверждают, что символы матриархата были свойственны многим древнейшим цивилизациям и это выражалось — в матрилинейности, т.е. счет происхождения и наследования велся по материнской линии; матрилокальности, т.е. обычай, согласно которому супруги проживали в общине жены; что известны случаи полиандрии (многомужество); а также в том, что женщины сами выбирали себе мужей; наследование велось по матрилинейной форме. Первые человеческие существа, которым поклонялись на этой земле люди, были богинями; и обществу были свойственны более эгалитарные отношения, «явного господства женщин никогда не существовало»; проявилось это в «неолитической революции» (каменный век), а частично эти отношения сохранялись почти во всех цивилизациях в той или иной мере (Египет, Шумеры, древние греки) вплоть до наших дней. Этнографы XIX века еще встречались с теми или иными чертами ярко выраженного матриархата у ирокезов Северной Америки, племен Меланезии в Африке, в Тибете и в Индии, у алеутов и эскимосов. Дискуссионным остается вопрос о существовании народа и царства женщин-воительниц амазонок (одногрудых женщин-воинов)¹, в то время как исторический факт существования племен женщин-воительниц считается доказанным — их погребения найдены в Малой Азии, на Кавказе, в Туркменистане, Узбекистане и Киргизстане, племена в Африке, в южной части Синайского полуострова. Со времен Гомера поэты неоднократно писали о храбрых женщинах, гонимых изображениях их на рисунках ваз и саркофагах, а ваятели сохранили их фигуры с копьем. Никакого мужеподобия вы не найдете в этих образах, хранящихся в музеях Стамбула, Хайфы и Ватикана.

Считается, что с переходом к более высоким и продуктивным формам обработки земли плугом (считается, что мотыжное земледелие осуществлялось преимущественно женщинами) и животноводству, власть вождя возникала как власть над большими угодьями и стадами, как власть воина, как власть для контроля частной собственности. И здесь отцовское право сменило матриархат, материнское право². И хотя в СЭС, пишется, что патриархат³, что период первобытнообщинного строя закончился с возникновением классов и государства, следует сказать, что советские историки поторопились сделать и этот вывод. Разумеется, все цивилизации последних 6 тысячелетий отличались друг от друга тем, какие права они предоставляли женщинам из разных социальных групп, и все цивилизации можно проклассифицировать по этому признаку, провести обоснование как те или иные факторы государственно-правового устройства, определяли правовой статус женщин. Как едко писала Симона де Бовуар «Законы определяли ее (женщину) как существо низкое, которое подобает держать в рабстве. Законодательство Солона не предоставляет ей никаких прав. Римский кодекс отдает ее под опеку и заявляет о ее глупости. Каноническое право рассматривает ее как врата Дьявола. Коран говорит о ней с величайшим презрением⁴». Однако конечно, не следует злоупотреблять вышеприведенной концепцией «тотального отчуждения прав», так как это писалось философско-экзистенциалистской и задача ее книги была не в приведении новых данных по сравнительному правоведению. Конечно, универсализм не может быть распространен на все времена и народы. Считается, что критская цивилизация эпохи бронзы (первые века II тысячелетия до нашей эры)⁵, Спарта и поздняя римская империя женщин-гражданок (не всех женщин!), Древняя Япония и найары в Древней Индии предоставляли женщинам наибольшее равенство с мужчинами.

Всемирная история же ценза женского пола последних II тысяч лет — это долгая история перехода всех лиц женского пола из состояния полного бесправия (так же как мужчин-рабов и всех малолетних, умалишенных, и других категорий так называемых «недееспособных»), из их полного подчинения главе семейства, патриарха. Для заинтересованных привожу

Вардман, укз. с., стр. 7-11.

² СЭС, стр. 973: Патриархат — от «Pater» по-латински значит «отец»; под патриархатом соответственно понимается организация общества, основанная на отцовском праве, «патриарх» — это старший в племени, отец семьи или рода.

³ Бовуар Симона. Второй пол. М.: Издательская группа «Прогресс», «Литера», 1998 г.

⁴ Андреев Ю.В. «Минотаврский матриархат» (социальные роли мужчины и женщины в общественной жизни минотаврского Крита). Вестник Древней истории, 1992, №2, стр. 3-14/Древние цивилизации. Греция. Эллинизм. Причерноморье. Избранные статьи из журналов «Вестник древней истории». М.: Научно-издательский центр «ЛАДОМИР», 1997, стр. 377-389; Шелковая Н. Женщины в Древнем Мире/Теория и история Феминизма. Курс лекций. Харьковский центр гендерных исследований: Ф-Пресс. 1996 г.

⁵ Советский энциклопедический словарь, М.: Советская энциклопедия, 1985 г.; Народонаселение: энциклопедический словарь, Москва: Большая Российская энциклопедия, 1994 г.; Вардман Е. Женщины в древнем мире. Москва: Наука, Главное управление восточной литературы, 1990. Косвен М.О. Амазонки: история легенды. Журнал «Советская этнография», Т. 2-3, 1947 г./перепечатка в Э.Тополь. Женское время. М. 1997 г., стр. 474-578; Вардман, укз. соч. стр. 34-37.

кратко справку о системе агнации из курса Римского права⁶: в древнем римском праве были известны разные формы брака, в том числе и купля-продажа дочери в супруги будущему мужу; но уже начиная с законов XII таблиц в римском праве, из-за того, что римлянка принадлежала одновременно и роду супруга и роду отца, стали возникать конфликты между ними по поводу управления имуществом закрепленного за ней, так как брак разорял агнатов-опекунов. И тогда для защиты родственников со стороны отца появляется «свободный брак». Эта система агнации постепенно трансформировалась в обретение женщинами частичных прав и выходом их из под опеки главы семейства⁷, что и положило начало эмансипации женщин, т.е. приобретению прав. Таким образом, большая часть истории прав женщин, эмансипации женщин — это правовой процесс, основанный на юридических интересах между семьей отца, семьей мужа и государством, это правовой процесс, за которым стоит изменение отношений власти между двумя семьями (отца и супруга) и государством. Так уж получилось, что мужчины цивилизации, к которой мы принадлежим оказались субъектами права, а женщины были объектами права и частью движимого имущества либо отца либо супруга. Логически этот тезис был развит Симоном де Бовуар (которая выстроила его на критике подхода Ф.Энгельса и соответственно Баховена) и завершен анализом того, как формировалась собственность и как она передавалась следующему поколению. И если вы посмотрите на социально-правовую историю регламентации прав женщин, вам станут понятны социальные основы как сформировался правовой статус женщин: все было оформлено таким образом, чтобы женщина должна была родить наследника, и отсюда высокий статус материнства, по сравнению с любыми иными статусами женщины; причем происхождение наследника (сына супруга), которому должна быть передана собственность, должно было быть несомненным, и отсюда берут начала все жесткие условия к девственности невесты, изуверское карание измены жен и снисхождение к мужским адюльтерам; сверх строгая регламентация уголовным кодексом изнасилования, т.е. оно понималось как покушение на собственность мужа, а вот избиение собственным супругом и насилие над его собственной женой — дело было вполне приемлемое. Все становится на свои места и получается очень логичным, если мы соглашаемся, что все институты права работали на то, чтобы собственность передавалась и аккумулировалась по мужской линии.

Но, при обсуждении исторической реконструкции правового положения российских женщин, следует обязательно исходить из одного очень важного исторического обстоятельства, на котором настаивают отечественные специалисты по истории женщин⁸ и которое упускается до сих пор западными исследователями России, а именно, из совершенно уникального случая по семейному законодательству — в российской истории супруги имели раздельное владение имуществом в браке. Режим раздельной собственности супругов незнаком западной Европе, западные слависты историки и то удивляются этому факту, а западные феминистки просто отказываются в это поверить. Именно этот историко-правовой факт объясняет и позволяет объяснить, как происходило накопление имущества по женской линии. Этот юридический режим раздельного владения собственностью между супругами был основанием появления и существования настолько обеспеченными и экономически независимыми, что позволяли себе вмешиваться в дела монаршие и политические (вспомните хотя княгиню Ольгу, владевшую собственным городом или хотя Марфу Борецкую и боярыню Морозову). Опеки мужа над женой, как это имело место быть хотя бы во Франции до 1917 года, в России не существовало. И в этом сильное отличие российского законодательства и правового статуса женщин по сравнению с Римским правом и западноевропейским правом. В Архангельске, например, еще в 1903 году на Маргаритской ярмарке половина предпринимателей были женщины-предпринимательницы⁹.

И эти академически признанные факты должны быть осознаны интеллигенцией. Прежде всего потому, что несколько тысячелетий социально-культурного устройства остаются с нами, и не могут быть забыты даже при изменении гендерного правового строя, которое стало происходить в контексте модернизации и развития буржуазных правовых систем. Таким образом, то, что я бы назвала гендерными историко-правовыми проблемами с точки зрения эмансипации женщин, включали в себя следующие вопросы: правовая зависимость дочери от отца, невозможность для женщин самостоятельного выбора мужа; брак как форма обычной сделки, в ходе которой дочь переходила в собственность мужа и невозможность развода; дискриминация дочерей при наследовании отцовского имущества;

невозможность для жен вступать в сделки, владеть самостоятельно собственностью; невозможность образования для женщин; ограничения по выбору профессий для женщин и невозможность работать в госслужбе, на престижных местах; запрет для женщин работать в творчестве, создавать литературные тексты, заниматься изобразительным творчеством. Феномен женского вдовства и отказ женщин от последующего брака — было формой получения статуса правоспособности.

Как вы ответите на вопрос, почему в последние 200 или 300 лет, а не раньше и не позже, возникает женское движение и активно, порой яростно, а порой отчаянно и иступленно женщины высших сословий начинают требовать прав и в этих целях готовы объединяться с женщинами низших классов? Да ответ очень простой, и я думаю, и мужские движения возникают также, наведите гендерную резкость и вы увидите, что XVIII–XIX–XX века политика, известные вам политические движения, политические партии, Правительства — это парни, т.е. «мужской клуб», т.е. политика становления демократии проводилась как политика мужчин, значит у политики был пол? Когда доступ к каким-либо ресурсам отрезается, и делается это по

признаку пола, то и требование справедливости доступа организуется по тому же самому признаку. Я думаю, что женское движение — это феномен высокой степени организованности активности женщин (и небольшой части мужчин, их поддерживающих), постоянно дающий о себе знать на протяжении вот уже 300 лет и активизировавшийся именно в моменты революций и социальных трансформаций, при которых происходило расширение тех либо иных гражданских прав для лиц только(!) мужского пола (право голоса и право владения периода Французской революции)¹⁰. При этом очень часто правами наделялись мужчины из более маргинальных социальных групп (Конгресс за отмену рабства¹¹), тогда как правовой и социальный статус женщин высших классов оказывался формально ниже. Подробности из Французской политической жизни женщин лучше всех описаны доктором политических наук Светланой Григорьевной Айвазовой в недавно вышедшей, но уже раритетной книге «Русские женщины в лабиринтах равноправия».

«Главный документ Французской революции «Декларация прав человека и гражданина» торжественно провозгласил: «Все люди рождаются свободными и равными в правах.» Его обращение «les hommes», «люди» — а во французском это означает одновременно «мужчина» и «человек», но никак не «женщина» — имело оттенок двусмысленности. Было очевидно, что в общепризнанную категорию «свободных и равных» попадают мужчины, но оставалось не понятным, попадают ли в нее женщины. Их право на гражданство вообще никак не оговаривалось — ни в форме признания, ни в форме исключения. И это была не случайность или небрежность. Это была позиция умолчания... придерживались ее на протяжении всей революции. Появление первого правового документа феминизма было вызвано этим фактом. В 1791 году Олимпия де Гуж пишет «Декларацию прав женщины и гражданки». И заголовок, и содержание «Декларации» звучали вызовом, пощечиной все сомневающимся и не решавшимся признать за женщиной право называться полноценным человеком. В ней де Гуж объявила, что женщина ничуть не менее мужчины способна к отправлению основных гражданских прав — на свободу, владение собственностью, сопротивление деспотизму. Единственной преградой для реализации этих «естественных прав» является «тирания сильного пола». Но законы природы и разума призваны оградить женщину от этой тирании и установить равноправие обоих полов.

Декларация де Гуж вызвала в обществе бурю негодования, особенно не понравилась фраза, которая впоследствии станет крылатой: «Если женщина имеет право взойти на эшафот, то она должна иметь право взойти и на трибуну». История ее личной жизни — казнь королевы Жиронды. Видимо учитывая это, Конституция 1791 года установила различие между актив-

ными и пассивными гражданами и отнесла женщин ко второй группе, лишив их права избирать и быть избранными. Покорницы полноценного женского гражданства встретили это в штыки. Все равно новая конституция 1793 года безоговорочно лишила женщину политических прав. Обоснованием отказа было следующее, выступление делегата Амара: «Политические права любого гражданина, предполагают, что он может участвовать в принятии решений, затрагивающих государственные интересы. Имеют ли женщины моральные и физические силы, необходимые для того, чтобы пользоваться такими правами? Всеобщее мнение признает, что нет. Каждый пол призван заниматься тем, что ему назначено природой...». Кроме того Конвент принял решение о закрытии всех многочисленных и активнейших женских клубов. Весной 1795 года был издан еще более суровый декрет, запрещающий женщинам присутствовать на любых политических собраниях, вообще собираться группами в общественных местах. Окончательно отрезвил французенок обнародованный в 1804 году Гражданский кодекс Наполеона, в котором объявлялось, что женщина не имеет никаких гражданских прав и находится (опять!) под опекой мужа. Теперь уже даже слабоумному было ясно, что демократический лозунг «свобода, равенство, братство» предназначен для регулирования отношений только среди мужчин. Как и всегда в истории, каждый подобный исторический факт, позже был обогащен и обоснован историками, философами.

Так было в США (1787 г.), так было во Франции (1789–1793 гг.), так было в Великобритании, с той или иной разницей в несколько десятилетий во всех странах западной Европы, так было и в России. История борьбы за конституционализм в России, начиная с декабристов, шла тем же путем, что и в других странах. Так в том проекте конституции «Русская правда», которую подготовил Павел Иванович Пестель, несмотря на весь радикализм и демократизм, провозглашение республики и отстаивание всеобщего, равного для всех избирательного права, женщины были также исключены¹².

Таким образом следует просто принять к сведению исторический диагноз, который поставлен одной из ведущих теоретиков политической мысли Карол Пейтман, возглавлявшей и Международную Ассоциацию политических наук, относительно того, что эти буржуазные революции с их требованием гражданских прав, появлением гражданства, правом избирать и быть избранными были революциями эмансипации граждан мужского пола из под власти их отцов¹³. Мужские буржуазные революции не предоставляли женщинам права голоса, женщины, организовавшиеся в женские движения — настояли и убедили правительства в необходимости изменить это, предоставить женщинам право. Поэтому, конечно, женское движение, и его сохранение в наши дни — это свидетельство неоконченной модернизации и демократизации совре-

⁶ Додж Д.В. Римское частное право. Учебник для вузов. Издательская группа ИНФРА-М-Норма. М.: 1997, стр. 257, 272, 279–302.

⁷ Всемирное исключение из этой истории эмансипации — это семьи монархов, царей и фараонов. Монархическое наследование оставляет много в стороне, так как, с одной стороны, оно наиболее известно, а с другой стороны, не показатель для определения правового статуса женщины того или иного времени и страны.

⁸ Пушкарёва Н.Л. «А жонки з жонкою присужать поле» (Правовое положение женщин в X–XV веках)/Пушкарёва Н.Л. Женщины Древней Руси. Москва «Мысль» 1989 г.; Антокольская М.В. История семейного права. Раздел III/Антокольская М.В. Семейное право. Учебник — М.: Юрист, 1996, с. 49.

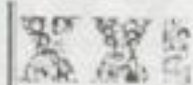
⁹ Чирикова А. «Женщина во главе фирмы», 1998 г.

¹⁰ Айвазова С.Г., Русские женщины в лабиринте равноправия. М. 1998, стр. 19–21.

¹¹ Гидленс Э. Социология, Элитаризм УРСС, М.: 1999, стр. 173.

¹² П.И.Пестель «Русская правда» (1821 г.)/Антология мировой политической мысли в 5-ти томах., т. III, стр. 660.

¹³ Patmen C. Sexual Contract, Polity Press, 1988, p. 8.

менных политико-государственных систем, которые заявили право всех граждан их стран на равные гражданские права, но так его и не реализовали. Это свидетельство слабости госполитики, когда госполитика использует даже дискриминационные механизмы для реализации каких-то иных задач государства. Это свидетельство сохраняющейся несправедливости и того, что так быть не должно. Это знак того, что женщины переустраивают общество на тех принципах, на которых мы считаем это нужным делать. Одним словом, женское движение — это наш ответ любого типа дискриминационной политике государства (дискриминация может идти хоть по признаку женского, хоть по признаку мужского пола, главное здесь знак пола!).

Как бы вы жили сегодня, без женского движения России 1860–1917 годов?

Я рискую быть слишком назидательной и резкой, но это, видимо, уже издержки сформировавшейся по жизни позиции. Правда, эта позиция, отчасти позиция защиты, — производная от ситуаций столкновений с предубеждениями против женщин. Например, раньше я либо просто сильно расстраивалась и недоумевала, когда женщины-ректоры, которые сами учились в университетах, преподают и теперь руководят (т.е. делают все то, что русской женщине было запрещено законом еще только 100 лет назад), выказывают возмущение и недоумение — «как можно говорить о какой-то дискриминации в России вообще» и «делить что-то по признаку пола в частности»? Возмущаются фактически тем, что я осмеливаюсь им напомнить о движении, которое устранило ценз пола, о движении, плодами которого они пользуются! Ведь их квалификация позволяет им хотя бы один раз зайти в библиотеку и прочесть что-то на этот исторический предмет, ведь я не могу сказать о них, что они неграмотны или не могут читать академические тексты или исторические документы. Впрочем, та же самая история часто повторяется и с журналистками, для которых суффикс женского пола — это профессиональное уничижение. Задуматься только, что женщинам до сих пор приходится стесняться своего пола? И писать в стиле разъяснений я стала после чтения рассказа Татьяны Толстой «Женское движение», в котором она вопрошает «И зачем тете Нюре-дворничихе женское движение?»¹⁴ Мастерски поставленный вопрос, на который писательница, как я понимаю так и не смогла найти ответ, хоть и потратила на это 15 страниц ее размышлений о себе, своем детстве, юности и ее трудностях непонимания «скандинавского феминизма». Я, как и другие, сначала купила книжку, потом прочла один только этот рассказ, потом разозлилась, а потом положила ее в стопочку для ответов, который вы и читаете. С этого момента я перестала расстраиваться и удивляться, и даже злиться на людей непонимающих. Вот сила художественного слова Татьяны Толстой! Теперь у меня появилась новая, эмоционально более легкая позиция — мне вдруг стало понятно, что следует прояснить мою позицию, что, например, живи Татьяна Толстая в Париже хоть XVII-го, хоть XIX-го века ей бы пришлось писать под мужским псевдонимом, если бы она захотела, чтобы хоть кто-то из издателей того времени решился бы ее книгу опубликовать, и если она хотела бы получить гонорар. А поехать за границу она могла бы только с разрешения ее супруга или отца, и читать лекции в университете ей вряд ли бы позволили. А живи она в XVI-ом веке в Англии ей бы зайти в университетскую библиотеку разрешили

только в сопровождение члена Попечительского Совета¹⁵.

И так, давайте поразмышляем о том, какой бы была ваша сегодняшняя личная и общественная жизнь, если бы те реформы, которые эти женщины инициировали, добивались и провели, не удались бы, если бы им что-то помешало.

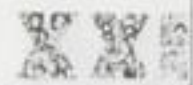
Проще всего начать с темы о браке. Многие упиваются сегодня обрядами венчания и, быть может, следует обратить наше внимание, на то, что в связи с тем, что в дореволюционном русском праве действительным признавался только церковный брак, то — развод был запрещен(!), супруги должны были жить вместе, отдельный вид на жительство супруга могла получить только с согласия мужа, без его согласия жена не могла наниматься на работы или в услужение. Я думаю, что навряд ли кто из нас сегодня поставит под сомнение законность тех требований реформы семейного законодательства. Разве, что те кто планирует воспользоваться брачным контрактом, чтобы защитить имеющуюся собственность от посягательств очередной супруги. Где бы мы были сейчас по статистке женских суицидов, если представить себе, что всех женщин, кому мужа не давали развод, ждала участь Анны Карениной? Статьи о принудительном вступлении в брак, кажется, только недавно изъяли из УК (уголовного кодекса).

Или другая сфера — сфера образования. По грамотности женщины уступали мужчинам в 5 раз. Дело в том, что обязательное начальное обучение для мальчиков из дворянских семей было введено еще в 1714. И хотя начало среднему образованию для девушек было положено еще Екатериной II учреждением «Воспитательного заведения для благородных девиц» (1764 г.), но в них до 60-х годов XIX века могли учиться только девушки дворянского происхождения, таким образом для девочек всех остальных слоев практически обучение отсутствовало. Соответственно женские гимназии стали формироваться лишь под воздействием женского движения с 1870 и преимущественно на средства частные, при этом даже в 1880 году девочки все еще составляли лишь 20% учащихся начальных школ и церковно-приходских школ. Можете ли вы себе представить, что 1-го сентября ваши сыновья и внуки пошли бы в школу, а дочери и внучки нет?

Вопрос о легализации абортов, был едва ли не основным вопросом, который занимал русскую интеллигенцию на рубеже веков¹⁶. На Пироговском съезде в 1913 г., прошедшем в июне в Петербурге, вопрос об аборте вызвал живой интерес. Съезд принял такую резолюцию «Уголовное преследование матери за искусственный аборт никогда не должно иметь место. Также должны быть освобождены от уголовной ответственности и врачи, производящие аборт по просьбе и настоянию матери. Исключение из этого должны составлять врачи, сделавшие аборт из корыстных целей своей профессии. Эти врачи подлежат суду врачебных советов. Против этой резолюции раздалась протесты со стороны врачей и печати. Общее собрание съезда

¹⁴ Вульф В. Своя комната/Эти загадочные англичанки. Пер. с англ. Сост. Генниев Е.Ю., Москва: Прогресс, 1992. Стр. 111, 83.

¹⁵ Попов А. указ. соч., а также Репродуктивные права как зеркало общества/«Вы и Мы», №11, весна 1995 г.; Покровская М.Н. Вопрос расовой гигиены. Статьи из ежемесячного журнала «Женский вестник». Посвящен равноправию и улучшению положения женщин., 1914, №1//Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. РИК Русанова, 1998., стр. 387.

ее значительно изменило. Оно признало, что с искусственными абортами надо бороться не репрессиями, а социальными реформами».

Отсутствие элементарного здравоохранения для крестьян, приводило к тому, что крестьянки, которые обычно выходили замуж в 16–19 лет, а к 25 годам переносили уже по 5–6 родов (25–70% выкидышей). Их заболеваемость превышала мужскую в 5–6 раз, а смертность в 2 раза!¹⁷ Быть крестьянкой в то время — значило не знать докторов. Соответственно, требование медицинской помощи женщинам того времени — это было требование дать им право не умереть во время родов. Сомнения в целесообразности того требования, надеюсь, у вас не возникают.

Дискриминационная политика государства, которая и породила женское движение выражалась и в том, что женщины были лишены возможности участвовать не только в государственном управлении и самоуправлении, но также и работать в государственных канцеляриях, так как высочайшим повелением от 14 января 1871 года им запрещалось там работать. Круг доступных профессий был невелик: акушерки, фельдшеры по прививкам, аптекари, телеграфистки, учительницы младших классов в начальных школах и нижних классах женских гимназий. Вот откуда берет начало феминизация советских и пост-советских отраслей рынка труда.

Судебная и адвокатская деятельность были также закрыты для женщин, имя первой женщины юристки Евреиновой А.М., — которая продвигала совсем недавно в 1911 году через Думу закон о доступе женщин к этим профессиям и законопроект был принят, но позже отклонен ГосСоветом¹⁸, — до сих пор неизвестно, тем сотням тысяч женщинам юристкам и судьям которые преуспевают в этой профессии. И быть может и поэтому в судах РФ сегодня никто не знает как же следует применять Конвенцию ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (ратифицирована Россией в 1980 г.) и в чем ее смысл?

¹⁷ Щепкина Е. Труд и здоровье крестьянки/Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. РИК Русанова, 1998., стр. 233–238.

¹⁸ Хасбулатова О.А. Опыт и традиции женского движения в России (1860–1917), Иваново 1994, стр. 103.

Все древние и современные правовые системы последние 6 тысяч лет дискриминировали женский пол. Женщины получили легальное высвобождение из власти отцов и мужей и наделение равными правами с мужчинами-гражданами не более 100 лет назад. Все же не очень большая часть всемирной истории, были в истории Земли целые цивилизации за 2,5 миллионов лет, небольшая часть эгалитарных культур существует и сегодня, когда признак пола не был ни привилегией, ни наказанием, ни проблемой ни для одного из полов.

В начале перестройки Ольга Воронина обратила мое внимание на сам феномен «столь негативного отношения к самой идее эмансипации»¹⁹ и было как-то грустно жить во времена «пост-социалистического патриархального ренессанса» как это назвала Анастасия Посадская, и как-то стало чуть легче, когда несколько лет назад социологи Елена Здравомыслова и Анна Темкина поставили неутешительный гендерный диагноз российской реальности как «квазиэгалитарная практика жизни, патриархальное сознание»²⁰. Поэтому несмотря на то, что явно и точно, что третье тысячелетие будет идти под знаком расширения социальной и гендерной свободы личности, наша российская ситуация оставляет больше вопросов, чем ответов. Мне не нравятся мизогинисты, и мне кажется, что мелко вместо прояснения гендерной истории спуститься на прокурорский уровень «Кто виноват?». Я думаю, что более стратегически — способствовать становлению культуры терпимого отношения к любым социальным различиям и для нас в России, а это значит в первую очередь — проводить раскопки, культурные раскопки, нашей цивилизации и российской истории таким образом, чтобы женское не означало слабость, подчиненность, а мужское — власть и подавление. В России это делает женское движение.

¹⁹ Воронина О.А. Женский вопрос/СССР: демографический диагноз., сост. Мукомель В.И. — М.: Прогресс, 1990.

²⁰ Здравомыслова Е., Темкина А., Введение. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России/Гендерное изменение социальной и политической активности в переходный период. Сб. Научн. статей. СПб. ЦНСИ. Вып. 4. 1996. С. 5–12.

¹⁴ Толстая Т. Река Обервиль, М.: 1999.

РЕВОЛЮЦИЯ В НАС САМИХ

От борьбы за равноправие женщин —
к новому взгляду на историю и философию

Глория Стайнем — самая известная феминистка Северной Америки, ведущая популярных телепрограмм, создатель журнала «Ms. Magazine», автор многих книг, в том числе фундаментального труда «Революция внутри нас», который исследователи многих стран, сравнивали с «Библией феминизма» — Вторым полом» Симоны де Бовуар.

— Нет сомнения, что XX век прошел под знаком изменения положения женщин во всем мире. Каковы, на ваш взгляд, основные достижения в этом плане?

— Прежде всего это изменение представления о предназначении женщины, конец биологического детерминизма по отношению к ее роли в обществе. На сегодняшний день идеи «естественного», природой предопределенного предназначения женщины потерпели крушение. Для современного человека роль женщины определяется не «божественным предначертанием» и не ее анатомией, а социальными и культурными обстоятельствами прежде всего. Следующий аспект — разделение понятий сексуальности и репродуктивной функции. Репродуктивные проблемы теперь рассматриваются как важный аспект здоровья в целом, международным сообществом признано, что они являются также частью экономических проблем. Нельзя переоценить и важность такого фактора, как возможность женщин контролировать свою репродуктивную функцию, возможность рожать детей тогда и в таком количестве, как они сами сочтут нужным. Разрабатываются и реализуются программы по охране репродуктивного здоровья, и при составлении этих программ решающее значение имеет экономический фактор, проще говоря, фактор бедности. Эти программы позволяют многим женщинам выбиться из нищеты, открывают путь к образованию и новым возможностям. И еще одно очень серьезное обстоятельство — это осознание того факта, что сами понятия мужественности и женственности не являются раз и навсегда установленными и неизменными, что они также продукт развития цивилизации, движения культуры и общественных отношений. Исследования показали, что в разных обществах эти идеи различны, что они имеют непосредственное отношение к проблеме власти, и об этом начали говорить. В наши дни сексизм стал синонимом расизма, классового неравенства, насилия по признаку пола. Изменение восприятия понятий о женственности и мужественности привело к признанию ценности каждой отдельной личности. Не могу сказать и о том, что одно из главных достижений века — признание важности индивидуального женского опыта.

— Вы совсем не говорите о практических результатах движения за равноправие.

— Они очевидны — женщины появились в правительствах, парламентах, в других сферах, куда вход им был воспрещен. Но эти перемены невозможны без изменения взгляда на мир. Мне кажется, большую роль в этом играет новое понимание истории, которое предлагают женщины. До недавнего времени существовал только один метод описания истории, и это была история правителей и войн, к тому же он охватывал только последние 5 тысяч лет, что составляет не более 5% от всего времени жизни человечества. Новый взгляд предполагает исследование не только патриархальных, но и эгалитарных обществ, о которых пока очень мало известно. Женщины-ученые разрабатывают новые подходы, которые, несомненно, обогатят наше знание и помогут двигаться вперед, к истинно гармоничному обществу. Разумеется, это общество сможет возникнуть только тогда, когда будет покончено со всеми видами

дискриминации, прежде всего в оплате труда. Хотя многие согласны с тем, что мужчина и женщина должны получать равную плату за равный труд, практически везде мы видим, что этот принцип не соблюдается. В то же время доказано, что женщины и мужчины не одинаково не только смотрят на жизнь, но и проявляют себя в работе, творчестве. Женский опыт пока еще очень мало востребован, и это тоже дело будущего.

— Какие открытия, публикации на эту тему вы могли бы назвать «вехами века»?

— Конечно, «Второй пол» Симоны де Бовуар, книгу Кейт Миллет «Сексуальная политика», работы африканских феминисток и многие другие. Мы очень мало знаем о практиках других культур, других континентов, зачастую наивно полагая, что существует только мир белых людей христианской культуры. Мир же куда ярче и интереснее. Мне хочется сказать о том, что очень многие женщины, особенно те, кто работает в сфере образования, в журналистике, помогли и помогают изменить стереотипы, приблизиться к новому знанию.

— Ваше впечатление о современном женском движении и феминизме в США?

— Как повсюду в мире, в США наблюдается пробуксовка (backlash) в женском движении, в отношении к идеям равноправия. Это своего рода плата за то, что женское движение стало реальной общественной силой, завоевало серьезные позиции. Теперь наступает новый этап — в Америке это борьба женщин за место в бизнесе, в предпринимательстве. Это огромный ресурс. В силах женщин, мне кажется, повернуть бизнес лицом к социальным проблемам. Сегодня, когда очевидны недостатки как социализма, так и капитализма, пора поставить вопрос о новой цивилизации, сочетающей черты двух систем, с тем чтобы новый порядок учитывал интересы конкретных людей. Именно женщины более всех заинтересованы в таком порядке. Но для этого необходимо иметь власть, в том числе и в мире капитала. Пока еще число предпринимательниц невелико, но оно увеличивается год от года. Меня радует и то, что активность женщин растет не только в Америке и Европе, но и в других частях света. Я довольно много путешествую и вижу это отчетливо.

— Ваши пожелания самой себе в новом году?

— Я спокойно отношусь к наступлению 2000 года. Неверно было бы распространять на все 6 миллиардов жителей Земли представления христианской патриархальной культуры, многие из них принадлежат другим культурам и не ведут отсчет истории от Рождества Христова. А себе лично в новом году я хотела бы пожелать успеть все задуманное — встречи, конференции, статьи. Надеюсь, между прочим, приехать и в Россию — это моя давняя мечта.

— Чего вы ожидаете от встреч в России?

— Прежде всего — познакомиться лично. Насколько я знаю, женщины в вашей стране не обделены талантом и стойкостью. Я бы желала вам всем оставаться хозяйками своей судьбы. Главное — понять, чего именно вы хотите достичь, чего хочет достичь женское движение. Не забывайте о женской солидарности, о том, что мы сильны поддержкой друг друга.

Нью-Йорк — Москва

ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПРОБЛЕМЫ В ТЕОРИИ СОВРЕМЕННОГО ФЕМИНИЗМА

Противоречия между американским и французским феминизмом 70-х годов. Основное различие между французской и американской феминистской теорией 70-х годов состояло, по мнению Алис Жарден, специально посвятившей исследованию этой проблемы известную книгу Gynesis. Конфигурация женщины и современность (1985)*, в различном отношении к проблематике женской субъективности: если общей задачей французского феминистского мышления являлась денатурализация понятий либерализма и гуманизма, натурализованных эпохой Просвещения, и прежде всего, — понятия субъекта, то американский философский феминистский проект 70-х годов строился в основном на аффирмации женской субъективности. Другими словами, в основе американско-французского феминистского теоретического «разрыва» лежит, по мнению Алис Жарден, методологическое различие между пониманием женщины «как процесса» во французской феминистской теории и женщины «как половой идентичности» в американской. Общая концептуальная позиция американских феминисток в 70-е годы, по мнению Жарден, связана с а) отказом от бессознательного, б) настаиванием на стабильной структуре «я» и в) пониманием языка только как коммуникативной функции. Поэтому американские феминистки 70-х годов, считает Жарден, подчеркивали этическую значимость феминистского дискурса — как «вызывающего стремление к действию», в то время как французские теоретики осуществляли в основном критику символических и лингвистических форм патриархального дискурса. С другой стороны, особенностью французского феминистского проекта являлась, по мнению Жарден, политизация всего спектра традиционно полагавшихся нейтральными дискурсивных систем и понятий, признающих способными осуществлять радикальную критику патриархальной культуры (в частности, политизируются и идеологизируются понятия женского письма и чтения, которые признаются новыми формами критики культуры).

Противоречия между гендером и полом. В современной феминистской теории признается, что сегодня не может быть больше ни единого предмета теории феминизма, ни единой методологии, а для таких современных концепций, как радикальный или анти-расистский феминизм, постколониальный феминизм или феминизм женщин Третьего Мира, понятие «гендера» является не более центральным, чем понятия «расы», «нации» или «класса».

Одним из основных методологических противоречий в современном феминизме является противоречие между «теоретиками гендера» и «теоретиками сексуального различия», базирующимися на «радикальной теории пола» (а не гендера). Для теоретиков сексуального различия дихотомия пол/гендер не имеет большого смысла: они критикуют понятие гендера за

предпосылку социального конструктивизма, трактуя субъекта в качестве «данного», в то время как они рассматривают субъективность через параметры производящейся вновь и вновь сексуальности в ситуации расщепления сознания и языка. Задача феминистского анализа, по мнению теоретиков сексуального различия, и заключается в том, чтобы маркировать конститутивную асимметрию полов посредством языка и бессознательного: политики субъективной сексуальной трансформации в таком случае выступают приоритетными по сравнению с телеологическими политиками гендерного конструктивизма.

Кроме того, теоретики сексуального различия настаивают на неприсваиваемом характере феминного в традиционном конструктивистском дискурсе: ведь стратегией женской субъективности в культуре является не «прямая» репрезентация, а лишь миметическая симуляция феминного, по выражению Люс Иригарэй.

Более того, по словам Гайатри Спивак, феминное как дискурсивная продукция культуры производится и уничтожается одновременно, не укладываясь в рамки гендерного конструктивизма*. Отсюда возникновение политики сопротивления репрезентации и гендерному конструктивизму в современной феминистской теории, так как признается, что сама структура репрезентации в нашей культуре построена на «вычеркивании» женского и, следовательно, не способна выразить этот феномен реальности**. Женское в концепциях теоретиков сексуального различия получает, скорее, статус границы как предела репрезентативности, а не социального гендерного конструкта.

В эссе «Мыслить пол: Заметки о радикальной теории сексуальности» (1984)*** Гейл Рубин, одна из культовых фигур современного феминизма, предложила концептуализировать «пол» и «гендер» как две различные сферы анализа. Она критикует редукционистский подход в феминизме, при котором сексуальность и ее разновидности атрибутируются гендеру, а сексуальные отношения сводятся к гендерной позиции, или, напротив, гендер понимается как каузальный эффект действия режимов сексуальности. В противоположность данной методологической установке классического феминизма, Рубин считает, что должны существовать нередуктивные и некаузальные отношения между полом и гендером. Главный тезис Рубин состоит в том, что она отказывается сексуальность и характеристики пола сводить к сексуальному акту и к функции отношений между мужчиной и женщиной — то есть к копуле или копуляционным отношениям, отказывая при этом в правоте известному тезису Кэтрин МакКиннон, что «сексуальность органи-

* Spivak, Gayatri Chakravorty, In Other Worlds (New York: Routledge, 1987), p. 175.

** Cornell, Drucilla, Beyond Accommodation. Ethical Feminism, Deconstruction and the Law (New York: Routledge, 1991), p. 12.

*** Rubin, Geil, "Thinking Sex: Notes for a Radical Theory of Sexuality" ed. by Carole S. Vance in Pleasure and Danger: Exploring Female Sexuality (New York: Routledge, 1984).

* Jardine, Alice, Gynesis. Configuration of Woman and Modernity (Ithaca: Cornell University Press, 1985).

зует общество только через два пола: женщин и мужчин». Рубин критикует МакКиннон за структурно статическое понимание гендера и приписывание этой частной позиции «фальшивого культурного обобщения о виктимизированной позиции женщины в культуре».

Рубин считает, что феминистская критика гендерной иерархии должна быть преобразована в «радикальную теорию пола», внутри которой должна быть развита автономная теория сексуальности и утверждена ее политическая специфичность. В новое понятие сексуальности должны входить все категории сексуальных меньшинств, которые нарушают традиционные границы гендера и гендерных дихотомий: *queer*, садомазохизм, трансвестизм, межпоколенческое партнерство, проституция и т.п. Другими словами, концепция сексуальности и пола Гейл Рубин призывает обратить политическое внимание на сексуальные меньшинственные группы, которые не всегда состоят из женщин, не вписываются в традиционные гендерные дихотомии и которые сконструированы и регулируются государством путем патологизации. Рубин доказывает, что успех феминистского антипорнографического дискурса в масс-медиа, базирующегося на идентификации феминизма с теорией гендерного конструктивизма МакКиннон, в конечном счете обеспечен государственной властью и ее функцией регуляции сексуальности и половых отношений: ведь не случайно, по мнению Гейл Рубин, дискурс гендерного конструктивизма нашел себе мощного союзника в лице государства, став выразителем официальной государственной политики.

Противоречия между гендерными и феминистскими исследованиями. В современной феминистской теории существуют различные причины для различия между «феминистскими» и «гендерными» исследованиями. По словам Розы Брайдотти, основной критике понятия гендера и гендерных исследований подвергаются со стороны европейских теоретиков сексуального различия, постколониальных и цветных феминистских теоретиков. Данное противоречие было артикулировано в 80-е годы как противоречие между англо-американскими «теоретиками гендера» и европейскими «теоретиками сексуального различия». Роза Брайдотти утверждает, что понятие «гендера» сегодня является одной из основных кризисных точек феминистской теории из-за своей теоретической неадекватности и политической аморфности: оно, цитирует Брайдотти Лиану Борги, подобно «гибкой форме для печенья», принимает любую форму в зависимости от вашего желания. Брайдотти приводит пример Германии, в которой феминистская волна 70-х годов не выдержала этапа академической институционализации прежде всего потому, что локальные немецкие феминистские традиции и практики оказались более радикальными, чем пришедшее из американского феминистского дискурса понятие «гендера», оказавшееся искусственной и компромиссной формой для обозначения локальных феминистских практик.

Основное отличие гендерных исследований от феминистских в формулировке Брайдотти заключается в том, что гендерные исследования базируются на признании факта симметричного конструирования женского и мужского в культуре, в то время как феминистские исследования исходят из признания факта мужской доминации в культуре и социальных науках. Так называемое «равное», или симметричное конструирование гендера Брайдотти считает завуалированной формой социального неравенства, призывает осуществлять феминистский анализ современности: только такой анализ, по мнению Брайдотти, действительно способен артикулировать женскую субъективность.

* Braidotti, Rosi with Butler, Judith, «Interview: Feminism By Any Other Name» in *Differences*, vol. 6, № 2-3, 1994, p. 27-58.

Противоречие между черными, цветными и белыми феминистками. В чем, например, проявилось влияние практики и теории черных феминисток 80-90-х годов на общеполитический дискурс? В том, что они поставили под вопрос исключительное фокусирование североамериканского феминизма на понятии гендера: черные феминистки считают, что в основных понятиях гендера на самом деле лежат понятия «расы» и «класса». По их мнению, понятие «патриархат», используемое «второй волной» феминизма и понимаемое в первую очередь как «мужская доминация», носит этноцентристский характер, так как, например, черные мужчины вовсе не обладают той же степенью и теми же формами власти, что и белые мужчины, а белые женщины могут дискриминировать черных. В результате понятия «патриархат» или «подавление» не могут в одинаковой степени быть применимыми к белым и к черным женщинам, подвергающимся различным практикам подавления (в частности, белые женщины не знают такой формы подавления, как расизм). Поэтому черные феминистки считают, что этноцентристские концепции власти и подавления женщин, которыми оперирует «вторая волна» феминизма, в принципе не могут дискурсивно отразить живой опыт переживания расизма и дискриминации черных женщин. Более того, дискурс «второй волны» феминизма, по их мнению, не учитывает, что существуют не только разные формы подавления женщин в культуре, но и разные формы женского сопротивления, или что гендерное неравенство как этническое неравенство может существовать не только в отношениях женщин и мужчин, но и в отношениях, например, белых и черных женщин и что черные женщины испытывают расизм и — в противовес теориям радикального феминизма 70-х годов — не только со стороны белых мужчин, но и со стороны белых женщин. С этой точки зрения черные женщины зачастую отвергают саму парадигму феминизма и предлагают собственные варианты женских идентификационных политик, базирующиеся на постмодернистском методе «различия».

Противоречия между феминизмом и постколониализмом. Реальность постколониализма в противоположность романтическим колониальным проектам обнаружила сложность и противоречивость стратегий культурных идентификаций, функционирующих в дискурсе под знаками «единого народа» или «единой нации». Поэтому теоретики постколониализма настаивают на критерии «временного измерения» в описании национальных политических общностей, призванного заменить метод историзма. Такой методологический подход обеспечивает перспективу дискурсивных форм репрезентации постколониальных культур и субъектов — в том числе, женской субъективности. Например, Фредрик Джеймсон настаивает на понятии «ситуационного сознания», или «национальной аллегории» при характеристике постколониальной национальной культуры, подчеркивая что индивидуальное сознание или опыт постколониальной субъективности никогда не могут быть включены в коллективный; при анализе постколониальной культуры, по мнению Джеймсона, нельзя также использовать центристскую каузальную логику. В условиях постколониализма, когда феминизм продолжает абстрактно настаивать на необходимости солидарных и единых, построенных на отрицании доминирующего дискурса национальных идентичностей, нельзя, по мнению постколониальных теоретиков, обойтись без учета особенностей дисперсивных постколониальных культур и различия женских постколониальных практик в современном мире.

Противоречие между феминистским знанием (феминистской эпистемологией) и женским жизненным опытом — является одним из противоречий в феминизме «второй волны». Сара Хардинг в работе

Изобретая себя вновь как других: Новые агенты истории и знания (1993)* осмысляет соотношение между опытом и знанием. Она проблематизирует традиционное утверждение феминистской эпистемологии 80-х годов о том, что только на основе переживания женщин и женского опыта может формироваться феминистское знание и что наиболее достоверным типом знания является знание, исходящее из опыта репрессии и подавления, потому что реально знать о репрессии может только переживший репрессивный опыт субъект. Хардинг задает вопрос о том, действительно ли только репрессированный субъект (женщина) может продуцировать знание и действительно ли понимание подавления возникает только из опыта подавления? Ее точка зрения заключается в том, что существует реальная опасность уравнивания определенных типов «опыта» с «истиной», то есть с неким «истинным знанием», что ведет к редукционизму и идеологизму в феминистской теории. Поэтому Сара Хардинг предлагает ввести в феминистскую теорию понятие «противоречивых идентичностей» и «противоречивых социальных позиций», потому что, по ее мнению, не существует никакого «опыта» как такового, но только осмысление некоторого опыта как мышления на основе некоторой противоречивой опытной позиции. Отсюда, по мнению Сары Хардинг, следует, что феминистское знание не обязательно должно генерировать женщины, причем репрессированные женщины, но и, например, мужчины и другие группы, а положение черных и цветных женщин — белые женщины и наоборот.

Противоречия между феминизмом и гей/лесбийской теорией. Наиболее распространенным определением предмета гей/лесбийской теории (и программ или кафедр в североамериканских университетах) считается понятие сексуальности. Огромную роль в формулировке данного предмета сыграло эссе Гейл Рубин Мыслить пол, в котором она провела критику некоторых основополагающих феминистских парадигм. Основным тезисом был тезис о том, что феминизм не может быть единственной и основной теоретической моделью для понимания сексуальности. «Вторая волна» феминизма, по мнению Рубин, базировалась в основном на различии между биологическим (sex) и социальным полом (gender). При этом понятие гендера мыслилось двояким образом: либо как набор атрибутов с акцентацией на гендерную идентичность (как маскулинную, так и феминную); либо как каркас для дифференцирующего анализа и путь для обозначения отношений власти. Но как быть с теми типами идентичности, которые не подпадают под гендерную маркировку, спрашивает в своем эссе Рубин? Поэтому основным тезисом Рубин, направленным против теорий гендера, является тезис о том, что сексуальность нельзя сводить исключительно к отношениям власти и подчинения, так как в культуре существуют многообразные и альтернативные формы сексуальности (например, гей/лесбийская сексуальность, которая не описывается конструкционистскими понятиями гендера). Кроме того, Рубин критикует понятие гендера за его социологизм и позитивизм в понимании проблем идентичности, субъективности и сексуальности, сведение гендерной проблематики к социологической. Куда в таком случае исчезают такие характеристики сексуальности и субъективности, как желание, наслаждение, опасность, удовольствие, спрашивает она? Получается, что теория феминизма в ее общераспространенном виде редукционировала и аннигилировала эти характеристики (так же, как и само понятие сексуальности) из гендерной теории. Также, настаивает Рубин,

* Harding, Sarah, «Reinventing Ourselves as Other: More New Agent of History and Knowledge» ed. by L. Kauffman in *American Feminist Thought at Century's End: A Reader* (Oxford: Blackwell, 1993).

социологизированный гендерный анализ не учитывает значимости символических форм реальности.

Для изучения альтернативных форм сексуальности в североамериканских университетах в конце 80-х годов наравне с «женскими исследованиями», но отдельно от них были созданы программы и кафедры гей/лесбийских исследований. Толчком послужило размежевание феминистского и лесбийского дискурсов. По мнению лесбийских теоретиков, феминистки создали выдающуюся теорию подавления, однако не смогли создать адекватную теорию женской сексуальности: ее разработке и должны быть посвящены новые гей/лесбийские университетские программы.

В то же время, постмодернистский феминизм упрекает теоретиков гей/лесбийских исследований за эссенциализм и использование бинарной логики исключительности. Например, в книге Гендерная тревога Джудит Батлер, как уже было сказано, признается, что считать лесбийскую теорию авангардной позицией в феминизме на сегодняшний день является ошибочным, ибо в конечном итоге этот проект означает лишь усиление позиции «принудительной гетеросексуальности». Она доказывает, что лесбийское теоретизирование основывается на эссенциалистском понятии идентичности, что, по ее мнению, является «теоретически наивным и политически сдерживающим». Именно поэтому Батлер предлагает стратегии «денатурализации» гендерных и сексуальных различий и рассматривает их как перформативные стратегии, а методологически перспективной теорией субъективности в феминизме на сегодняшний день ей представляется *queer theory* (плюрализующая идентичность через наркотические практики, *butch-femme* роли в лесбийских практиках сексуальности, практики переодевания, транссексуальности и пролиферации эротических меньшинственных групп, перформирующих себя как самосознающих и лардирующих и стремящихся избежать бинарных оппозиций не только женского/мужского, но и гетеросексуального/гомосексуального, а также маркировок феминизма как таковых).

Тереза де Лауретис также предлагает деконструкцию бинарных оппозиций гетеросексуального/гомосексуального как «другой путь промысливания сексуальности». В то же время она обращает особое внимание на тот политический факт, что при институционализации гей/лесбийских программ в североамериканских университетах женщины остаются по-прежнему «молчаливым большинством» на фоне становящейся все более видимой в истории мужской гей-культуры. И хотя именно де Лауретис в 1991 году вводит в феминистский дискурс понятие *queer theory* с деконструирующей целью, уже сегодня оно представляется ей политически проблематичным. Ей казалось, пишет де Лауретис, что понятие *queer* способно избежать бинаризма и эссенциализма гей-лесбийских программ в североамериканских университетах, однако данная методологическая установка обернулась, по ее мнению, очередным «властным оборачиванием оппозиций» с приоритетом гей-культуры над женской. По мнению де Лауретис, сегодня надо говорить не только о гей- и лесбийских практиках в структуре сексуальной репрезентации, но и о «конститутивном молчании внутри них», формирующем приоритет гей-субъективности над женской и лесбийской субъективностью в современной культуре. Кроме того, она считает, что *queer theory* должна развиваться сегодня не только внутри, но и против институционализации — параллельно с другими меньшинственными дискурсами, которые должны учиться на ошибках феминизма для того, чтобы не воспроизводить исключющие и маргинализирующие практики новых образовательных университетских программ в Северной Америке.

Противоречия между постфеминизмом и феминизмом. Парадигмальные отношения между феминизмом и постфеминизмом столь же неоднозначны, как и отношения между модернизмом и постмодернизмом. Феминизм одновременно является как критикой, так и защитой модернизма в дебатах между модернизмом и постмодернизмом о современном субъекте и его месте в структуре социальной теории и практики: односторонность модернизма для феминизма проявляется в том, что модернизм не может адекватно отразить многосторонность и «различия» в современной культуре. Поэтому дискурс феминизма в современной культуре содержит существенные противоречия в собственной структуре: с одной стороны, продолжает по-прежнему использовать эгалитарную риторику в политических требованиях, с другой стороны, использует постмодернистскую концепцию «различия» как доминирующую концептуальную, философскую и культурную структуру. Теоретики постфеминизма упрекают поэтому классиков «второй волны» феминизма — таких как Нэнси Чодоров, Энн Фергюсон, Кэтрин МакКиннон и других — в биологическом эссенциализме, редукционизме, недостатке кросс-культурных подходов и жестком социальном конструктивизме.

В свою очередь, феминистские теоретики критикуют постфеминизм и постмодернистский феминизм за скептическое отношение к категории гендера и за нечувствительность к проблеме гендерного неравенства. Шейла Бенхабиб отмечает, что при выработке альтернативной эпистемологической позиции феминизм 90-х годов должен, в то же время, по-прежнему использовать понятие гендера как продуктивное понятие для анализа положения женщин в новых теоретических условиях*, а Сильвия Волби, например, настаивает, что несмотря на признание в феминизме множественности концептуально-политических подходов и позиций, на уровне индивидуальной феминистской прагматики и индивидуальной активности нельзя избегать феминистской определенности и феминистского единства**. Кроме того, позиция «смерти (мужского) субъекта» постмодернистского феминизма признается достаточно проблематичной с точки зрения либерального «феминизма равенства», так как может поставить под сомнение как освободительные идеалы женского движения, так и задачи освобождения женской субъективности (в этом смысле характерно название диалога между Лаурой Ли Даунс и Джоан Скотт: «Если «женщина» всего лишь пустая категория, почему же я боюсь гулять по ночам одна? Политики идентификации сталкиваются с постмодернистским субъектом», 1993***. По мнению Шейлы Бенхабиб, постмодернистский феминизм ставит под со-

* Benhabib, Sheila, *Situating the Self: Gender, Community and Postmodernism in Contemporary Ethics* (Cambridge: Polity Press, 1992).

** Walby, Silvia, «Post-Post-Modernism? Theorizing Social Complexity» ed. by Michael Barrett and Ann Phillips in *Destabilizing Theory...*

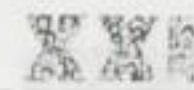
*** Downs, Laura Lee, «If «Woman» is Just an Empty Category, Then Why I am Afraid to Walk Alone at Night? Identity Politics Meets the Postmodern Subject» in *Comparative Studies in Society and History* 35, 1993, p. 414-437.)

мнение политическую динамику феминизма и освободительные задачи женского движения в современной культуре; кроме того, она считает проблематичной постмодернистскую позицию «смерти истории» и замену ее историей других маргинальных групп в культуре, так как в ней женщина по-прежнему, как и в традиционной истории, не может занимать центрального места (занимая его наравне с другими маргинальными группами). По мнению Бенхабиб, предложенная либеральным феминизмом замена общеисторической концепции женской историей, то есть тем, что называется «ее историей» — *herstory*, представляется более продуктивной для идеологических задач феминизма.

Джудит Батлер, отвечая на концептуальные упреки со стороны феминистских теоретиков, утверждает, что феминизм в конце XX века должен стать более самокритичным и учитывать обнаруженные в феминистском дискурсе 90-х годов «политики исключения», через которые, как оказывается, производится феминистский субъект (исключение черных, постколониальных и восточноевропейских женщин, исключение маргинальных форм сексуальности и т.п.). Поэтому, по ее мнению, все категории, используемые феминизмом в политической борьбе (включая саму категорию «женщины»), должны быть открыты сегодня для вопрошания и переформулировки. Феминизм, по ее мнению, обращается в постмодернистский проект не как в нечто чуждое, но как в критическую концепцию, способную продвинуть феминистский проект вперед и реализовать наконец то, что называется «радикально-демократическим феминистским обещанием». Поэтому, по словам Джудит Батлер, на сегодняшний день феминистская теория должна выступать не основной, основанием или даже методологией, но, скорее, поставленным, но неразрешенным вопросом. Хотя, по ее мнению, в современной феминистской теории существуют многочисленные противоречия и дебаты между феминизмом и по-

стмодернистским феминизмом, однако в то же время способность феминизма включать в теорию и практику концепцию «различия» означает возможность дальнейших теоретических и социальных изменений в феминизме, соответствующих политической и культурной ситуации конца XX века.

Постфеминизм, по словам Терезы де Лауретис, означает «обращивание» феминистского дискурса на собственные основания — как основания дискурса, так и политических практик. В целом этот процесс знаменует собой не просто расширение или реконфигурацию границ феминизма, но, по словам де Лауретис, процесс замещения или даже самозамещения: уход от более привычного «места» культуры к более рискованному, концептуально «иному» дискурсивному месту, размышление и письмо из которого являются более неопределенными и негарантированными. Однако продолжать находится в «старом месте» в современной культуре, по словам де Лауретис, больше невозможно.

НА ПУТИ К ОБРЕТЕНИЮ СИЛЫ

Хорошо помню наш первый московский разговор с профессором из Питтсбурга Еленой Гоцило. Стоял 1989 год, вся интеллектуальная Москва обсуждала новые публикации «Огонька» и «Знамени», кипела гражданская война в литературе между «западниками» и «почвенниками», в воздухе витало желание перемен и обновления. Мы заговорили о новой русской женской прозе — Елена заканчивала работу над книгой о русских писательницах, я только что написала статью о новых интересных авторах-женщинах, и естественно, зашел разговор и о феминизме. Тогда на вопрос о перспективах женского движения в России я ответила, что таковых не вижу, что женщины страдали от несвободы в тоталитарном государстве наравне с мужчинами и все проблемы моих соотечественниц будут разрешены, когда наступит эпоха демократии и свободной рыночной экономики. Я была искренне уверена в своей правоте — точно так же как большинство моих коллег, друзей и сверстников. Мы не просто надеялись, что демократизация принесет всем благоденствие, мы не допускали мысли, что может быть иначе. Новая знакомая заметила, что не стоит переоценивать демократию, когда речь заходит о равноправии.

После этого разговора было много других споров со многими женщинами, и в России, и в Соединенных Штатах, и на международных конференциях по положению женщин в Каире и Пекине, Дели и Торонто, и каждый раз в дискуссиях, обсуждениях и просто бесконечных посиделках в кулуарах форумов и просто в гостях у друзей выяснялись новые грани проблемы, были артикулированы новые подходы, новые знания.

Сегодня, в начале 2000 года, я не могу не согласиться с моей американской подругой — и в демократическом государстве необходимо еще много потрудиться, для того чтобы идея равенства полов стала реальностью. Оказалось, начало демократических преобразований протекает подчас столь причудливо и неожиданно, что неравенство может усилиться, причем заметно. Оказалось, что «женский вопрос» в постсоциалистических государствах вообще и в России в частности — это лакмусовая бумажка, индикатор, позволяющий судить о глубинной сути происходящих реформ.

Результатом десятилетия стал и тот факт, что в России заявило о себе независимое женское движение, включившись как в обсуждение важнейших вопросов государственного строительства, так и в решение практических задач улучшения положения женщин. В 1998 году, по данным Министерства юстиции, в стране было зарегистрировано более 600 женских организаций. Можно говорить и о другой цифре, которая представляется более реалистичной: всего в минувшем году в Российской Федерации насчитывалось более 40 тысяч общественных объединений, и, по оценкам исследователей новорожденного «третьего сектора», как минимум две трети из общего числа неправительственных организаций если и не называли себя чисто женскими, то так или иначе занимались проблемами, связанными с жизнью женщин, и состояли в основном именно из женщин.

На сегодняшний день в каждом крупном городе работают несколько десятков организаций, объединяющих сотни и тысячи женщин разного возраста, ста-

туса и образования. Не будет преувеличением сказать, что практически во всех регионах страны, от Балтийского моря до Владивостока, существует разветвленное и многообразное движение, ставшее своего рода знаком новой эпохи и демократизации общества. Рождение и развитие этого феномена вызывало и вызывает до сих пор неоднозначную реакцию, от восторженных слов сторонниц и соратниц активисток до откровенного скепсиса и заверений в том, что феминизм в любом его проявлении чужд российской национальной почве и новое движение является не чем иным, как искусственной западной прививкой.

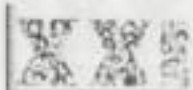
На самом деле пристальный взгляд на события российской, советской и постсоветской истории убеждает в том, что женское движение и сам «русский феминизм» как его часть имеют давние традиции, глубоко своеобразны и имеют серьезный потенциал.

ИСТОКИ И СМЫСЛ РУССКОГО ФЕМИНИЗМА

Собственно работ об истории женщин в России не так много. Одной из лучших исследователи называют книгу Ричарда Стайтса о революционерках и нигилистках прошлого века и начала нынешнего «Richard Stites. The Women Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism and Bolshevism», ценные данные содержатся в исследованиях Ольги Хасбулатовой и Ирины Юкиной, первое российское обобщающее издание на эту тему (книга Светланы Айвазовой «Русские женщины в лабиринте равноправия») увидело свет лишь в 1999 году, монография Марии Котовской о месте женщины в российской истории еще только готовится к выходу. Тем не менее в кругах историков сложилось определенное представление о том, какова же была жизнь российских женщин, прочно не отмеченных вниманием подавляющего большинства ученых советского периода.

Практически все современные авторы указывают на то, что в иные моменты женщины играли весьма заметную роль в жизни государства, о чем свидетельствуют как летописные источники, так и более поздние тексты. Яркий след в жизни Руси оставила княгиня Ольга, которая первая из правителей страны приняла христианство и провела ряд дальновидных реформ, русские княжны и боярыни участвовали в управлении княжествами, политической борьбе периода феодальной раздробленности. Некоторые исследователи отмечают, что в процессе укрепления христианства на Руси женщины постепенно превращались в затворниц, отлученных от общественной активности. Другие указывают, что условия для полного затворничества сложились с установлением татаро-монгольского ига, морально-этический кодекс взаимоотношений супругов «Домострой» закрепил подчиненное положение женщины, отлучение ее от семейной собственности и правомерность наказания за непослушание главе семейства. Фраза «жена да убоится мужа своего» стала знаком нескольких столетий, «Домострой» подробно описывал также способы наказания непослушной супруги. Период «теремного затворничества» (от слова «терем») продлился до реформ Петра I, введшего в числе других новшеств обязательное присутствие дворянских жен и дочерей на светских раутах (ассамбле-

ях), и только уже позднее, в годы правления Екатерины II, было открыто первое училище для благородных девиц (известно как Смольный институт благородных девиц), а также соответственно Мещанское училище для девушек из недворянских семей. В эти же годы появилась и первая женщина — президент Российской академии наук, Екатерина Дашкова, одна из ярчайших представительниц русского просвещения, издательница лучшего журнала того времени «Собеседник любителей русского слова» и прекрасная мемуаристка. Многие знатные дамы той эпохи любили носить мужское платье, любили охоту и другие — таковы были императрицы Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, Екатерина Великая. Историк Мария Котовская указывает на то, что XVIII век представил образ женщины, в которой сочетались светский блеск и честолюбивое мужеподобие. Тот же век явил и другой образ — образ женщины профессиональной, гувернантки или актрисы.

Многие авторы называют предтечей будущих русских феминисток жен декабристов (участников заговора с целью введения ограниченной монархии в России), последовавших за мужьями на каторгу в Сибирь, — самоотверженность этих женщин вдохновляла не одно поколение литераторов и исследователей. Однако говорить о собственно борьбе за эмансипацию женщин в начале и даже середине XIX века трудно. Общество видело в женщине прежде всего подругу мужчины, мать и воспитательницу детей, вся деятельность женщин вне этих стереотипных рамок встречала общественное осуждение, даже работа литераторов или художников в юбках вызывала недоверие интеллектуалов. Между прочим, любопытно, что сторонником относительной независимости женщин некоторые специалисты (например, Айвазова) называют Александра Пушкина, воспевшего в поэме «Алеко» свободную любовь.

Однако реально вопрос эмансипации возник в повестке дня в России лишь в дискуссиях 1860-х годов. В России назревали новые, первые буржуазные реформы, множество мелких дворянских хозяйств разорялись, девушки из дворянских семей вынуждены были обрести профессию и идти служить, для некоторых женщин работа стала единственным способом прокормить себя и свою семью. Главными идеями времени, волнующими общество, стали идеи женского образования и права на труд. Не будет преувеличением сказать, что практически все литературно-публицистические журналы, равно как и все выдающиеся мастера всех жанров литературы уделяли немало внимания вопросам положения женщины, семьи, взаимоотношения супругов. Точки зрения высказывались самые разные, и в произведениях возникали самые непохожие персонажи — восторженные романтические героини, и примерные матери семейства, и пылкие любовницы, готовые разделить с избранником все тяготы ада, и самостоятельные, активные и независимые женщины.

Примечательно, что первыми защитниками равноправия в России выступали мужчины. В 1860 году «Современник» публикует статью критика Михайлова «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе», где впервые ярко формулируются идеи равноправия. В это же время в печати выступают другие авторы — Дмитрий Писарев, Николай Чернышевский. Фраза Писарева «женщина ни в чем не виновата» стала крылатой, а Чернышевский заявил о праве женщин не только получать образование и работать, но и о праве на свободную любовь и нарисовал картину трудовой женской коммуны как прообраза счастливого будущего.

Дискуссии о равноправии стали знаменем времени, идеи образования и профессиональной активности женщин поддерживали видные ученые — Боткин, Пирогов, Сеченов и многие другие.

Специфику и смысл русского феминизма XIX века историк вопроса Светлана Айвазова определяет именно активным участием мужчин. В этом, по ее мнению, коренное отличие русского феминизма от европейского, сформировавшегося в вихре буржуазных революций. «После Великой французской революции женщины оказались лишены тех прав, которые завоевали мужчины, и это дало начало феминизму во Франции. В России до середины XIX века буржуазных свобод не было ни для мужчин, ни для женщин, и мужчины вместе с женщинами отстаивали прежде всего идеи женского образования и обретения профессии как начала гражданской независимости для всех».

Первые женщины-студентки были восторженно встречены демократической общественностью — в периодике появился новый тип курсистки, подчеркнуто скромной в одежде и манерах, серьезной и сосредоточенной. Правда, у идеи были и противники — правила 1861 года на некоторое время преградили доступ женщин в университеты. И все же с 1870 года правительство разрешило открытие высших женских курсов в главных университетских городах. В 1878 году стараниями самоотверженных борцов за женское равноправие Трубиной, Филосовой, Стасовой и Бекетовой были открыты Бестужевские высшие женские курсы, из стен которых вышли первые учительницы и врачи в юбках.

Некоторые женщины — первой среди них была Надежда Сусллова, получившая в Цюрихе диплом доктора хирургии и акушерства, — уезжали учиться в Европу. Некоторые, подобно математике Софье Ковалевской, для того, чтобы продолжать образование за границей, заключали фиктивный брак.

Идея эмансипации была созвучна революционным настроениям второй половины века — и многие девушки из разорившихся дворянских семей становились нигилистками, сотрудницами швейных мастерских, «народницами» и просто участницами революционных кружков. Среди участников самой крупной революционной организации «Земля и воля» были 18 женщин, в 70-х годах женщины составляют уже почти 20 процентов от всех революционеров, входили практически во все тайные организации. Софья Перовская стала первой женщиной, казненной в России по политическому обвинению, Вера Фигнер пережила 20-летнее заключение в одиночной камере Шлиссельбургской крепости, Вера Засулич стреляла в петербургского градоначальника Трепова, Мария Спиридонова возглавила позднее партию социал-революционеров...

Революционерки остались в памяти современников как одержимые, бескомпромиссные, бесстрашные женщины. О них, пожалуй, единственных среди активисток борьбы за полноценное участие женщин в обществе, писали в советское время.

Но были и другие, о которых мои сверстники ничего не знали. Это нередко были женщины глубоко религиозные, нередко — довольно знатные дворянки или богатые купчихи. Их объединяло стремление к благотворительности и помощи ближним. Многие женщины стали известны как меценатки и сестры милосердия — общины этих подвижниц к концу века создавались по всей России, они осуществляли уход за престарелыми и одинокими больными, создавали приюты для одиноких матерей, принимали участие в борьбе с эпидемиями.

Новый, XX век, отмеченный буржуазной революцией 1905 года, ознаменовался новым витком разви-

тия дискуссии о положении женщин. К этой поре уже тысячи женщин работали в земских школах и больницах, на фабриках и заводах, уже сложились разные направления и настроения дискуссии по «женскому вопросу». На повестку дня встал вопрос о гражданских и политических правах.

Важным событием эпохи (опять-таки совершенно забытый советской историографией, публикации о котором появились лишь в последние годы) стал состоявшийся в декабре 1908 года в Санкт-Петербурге Первый Всероссийский женский съезд, собравший более 1000 делегатов со всей страны. Подготовка съезда заняла у вдохновительницы форума, председательницы Женского русского взаимоблаготворительного общества Анны Шабановой шесть лет — так нелегко было добиться разрешения властей на необычное мероприятие. Помимо Анны Шабановой (профессионального врача и убежденной феминистки среди главных организаторниц съезда были популярная писательница Ольга Шапир и общественная деятельница, защитница прав женщин Анна Философова. Собравшиеся делегаты представляли весь спектр политической России — здесь была член ЦК буржуазной партии кадетов Ариадна Тыркова, «асеровская мадонна» Мария Спиридонова, социал-демократка Александра Коллонтай. В зале были потомственные дворянки и простые работницы, объединенные стремлением обсудить как экономическое и гражданское положение женщин, так и непосредственно деятельность женских организаций.

Главная резолюция съезда была посвящена проблеме равног избирательного права для женщин — накал страстей был так велик, что присутствующие полицейские запретили обсуждение. Но единства съезд не продемонстрировал — «рабочая группа» во главе с Коллонтай покинула съезд, заявив о невозможности сотрудничества женского пролетариата и представительниц буржуазии. Съезд имел огромный резонанс, реакция политиков была от восторга до недогования, однако современники не могли не признать, что «общественное воззрение на женщину изменилось».

В 1910 году в Петербурге был созван еще один женский съезд — Первый Всероссийский съезд по борьбе с торгом женщинами. Первый Всероссийский съезд по образованию женщин состоялся там же в 1912 году. Второй всероссийский женский съезд, намечавшийся на 1913 год, не состоялся.

В 1917 году Шабанова добилась исполнения решения о создании общероссийской женской организации, но времени для работы Всероссийского женского совета уже не было отпущено. Последнее эхо съезда, по замечанию Ирины Юкиной, опубликовавшей первую статью о феминистском съезде в «Независимой газете», а затем в журнале «WE/МЫ», прозвучало 19 марта 1917 года, когда по улицам Петрограда прошла 40-тысячная манифестация петербургских женщин с требованиями равных политических прав. Среди организаторов шествия были известные феминистки Шабанова, Тыркова и Покровская, а также яркие представительницы Всеороссийской лиги равноправия Поликсена Шишкова-Явейн, графиня Софья Панина и другие. Результатом всех этих событий явилось объявление Временным правительством всеобщего равного избирательного права без ограничения по признаку пола.

В ТИСКАХ СОВЕТСКОГО МИФА

Советская власть в числе самых первых своих законодательных актов провозгласила равенство мужчин и женщин во всех областях экономической, политической и культурной жизни. В 20-е годы официально раз-

решается аборт, тысячи и тысячи женщин уходят из деревень на стройки первых пятилеток, поступают в университеты, становятся активистами и агитаторами за дело построения социалистического общества. Многие женщины из других стран Европы и Северной Америки (в том числе из США) стремятся в страну великого социального эксперимента, вдохновленные идеями равенства. Однако положение женщин с первых же лет советской власти показало и оборотную сторону революционных преобразований. Пожалуй, ничто так не демонстрировало ту гигантскую разницу между декларацией и реальностью, обещаниями и повседневной жизнью, — это основное противоречие опыта социалистического строительства в России, а затем и в СССР.

Действительно, советские законы в отношении равных прав и возможностей женщин были, пожалуй, самыми прогрессивными в 20-х годах. Но механизмов обеспечения равенства не было выработано ни тогда, ни десятилетия позднее. На самом деле советская женщина немедленно стала подвергаться двойной нагрузке, которая преследовала ее многие десятилетия. С одной стороны, она обязана была трудиться в общественном производстве, осваивать мужские профессии и в обязательном порядке принимать участие в общественной жизни, с другой, возвращаясь домой, вынуждена была следовать традиционной роли жены и матери. Недолговечные социальные эксперименты в виде коммунальных кухонь, рабочих общежитских коммун и прочих новшеств 20-х годов довольно быстро отошли в прошлое — вместе с дискуссиями 20-х годов о свободе творчества, свободной любви и свободе вообще.

Государство становилось все более жестким и тоталитарным, ему требовались дешевые рабочие руки, и участие женщин в стройках было вполне в его интересах. С другой стороны, идеи эмансипации были выработаны в России в среде хорошо образованных людей, будь то либералы или революционеры-интеллектуалы, и автоматическое перенесение их на многомиллионное население в большинстве своем неграмотной крестьянской страны не могло произойти без спланированной и длительной подготовки. Некоторые примеры говорят сами за себя — скажем, в те же 20-е был принят новый закон, согласно которому для оформления развода достаточно было отправить надоевшему супругу почтовую открытку. Тотчас же тысячи мужей решили развестись с женами — никакой социальной защиты брошенным, детям и беременным не предусматривалось. Естественно, закон просуществовал недолго.

Крестьянский патриархальный быт особенно укоренился в 30-е годы, отмеченные «усреднением» уровня руководства страны, репрессиями и окончательным установлением диктатуры. Именно в 30-е были запрещены (вплоть до самой смерти Сталина) аборты — по причине недостаточно высокого прироста населения. Вскоре и разводы стали все более трудными, и личная жизнь граждан стала подвергаться пристальному контролю государственных и партийных органов.

Между тем именно в сталинской конституции 1937 года было декларировано установление окончательного равенства между мужчиной и женщиной. Все достижения феминисток дореволюционной истории были прочно вычеркнуты из учебников, феминизм как таковой был признан советскими учеными и политиками буржуазным излишеством, а политическая партия — единственно верной. В каждом регионе решением руководства страны одно время были организованы женотделы, заменившие все прочие женские инициативы (ни о каких общественных организациях в ту пору и

речи быть не могло), которые уже в позднее советское время были восстановлены в виде отделений Союза советских женщин — организации, являющейся (по аналогии с комсомолом и пионерской организацией) привидным ремнем власти и школой женской номенклатуры. При том многие работники отделений на местах (зарплату они, естественно, получали из бюджета государства) на самом деле старались практически помочь женщинам, обращавшимся за помощью. Но в целом женсоветы воспринимались как еще одна «кормушка», формирование разраставшегося до невероятных размеров при Брежневле слоя номенклатуры.

О смысле политики СССР по «женскому вопросу» существует несколько не вполне совпадающих мнений. В среде либерально настроенной интеллигенции брежневского периода бытовало суждение о глубокой ошибочности самой идеи и практике эмансипации и нарушения «естественного предназначения» женщины — об этом я еще скажу. Такая позиция была присуща, к сожалению, и многим реформаторам постсоветского периода в той или иной форме.

Авторы первой принципиальной перестроечной статьи с характерным названием «Как мы решаем женский вопрос?» в журнале «Коммунист» (1989) Наталья Римащевская, Наталья Захарова и Анастасия Посадская указывали на патерналистский характер всех направленных на женское население страны мероприятий, в которых им была уготована пассивная, зависимая по определению роль. По их мнению, женщина была вдвойне унижена социалистической практикой, и освобождение от социализма сопровождалось в СССР «постсоциалистическим патриархатным ренессансом», основанным на заведомо несправедливом распределении гендерных ролей. Эту точку зрения разделяют также некоторые западные коллеги. Другие исследователи, например Елена Здравомыслова, уверены в том, что советская власть, напротив, заключила нечто вроде тайного пакта со всеми женщинами страны — женщина в семейном конфликте, как правило, оказывалась поддержанной обществом, женщинам давались льготы и квоты, тогда как мужчина оказывался в структуре общества заведомо второстепенным лицом, зависящим на работе от начальника и парторга, а дома — от всевластной жены.

Думается, однако, что дело не только в договоре или патернализме. Глобальный эксперимент, предпринятый в СССР в течение длительного срока, предполагал принципиально иной тип взаимоотношений людей друг с другом, граждан и государства, власти и рядового человека. Миллионы мужчин и женщин десятилетиями искренне — и подчас фанатично — верили в справедливость происходящего с ними самими и с людьми вокруг. Это едва ли стало бы возможно без уникального феномена, именуемого великим советским мифом. Философ Мераб Мамардашвили в книге «Как я понимаю философию» описал специфику характера советского человека, тяготеющего к «отеческому» совету, боящегося принятия самостоятельных решений и лишней рефлексии. Этот особый тип ментальности выковывался в репрессиях, жестокости войны, и также постоянно лучшими силами советских художников и писателей, режиссеров и журналистов. Великий советский миф, последний Большой стиль в искусстве, как называют его искусствоведы, породил инновации, которое заменяло реальность. Эта «фабрика снов» создавалась миллионными тиражами и проникала повсюду — и она становилась реальнее реальной жизни. Об этом свидетельствуют мемуары артистов, снимавшихся в фильме «Кубанские казаки» — об изобилии в голодной послевоенной России. И великий

советский миф не стал бы столь мощным и не смог бы поддержать невероятную государственную машину, если бы в сердцевице его не был миф о советской женщине, которая обретает неслыханную доселе гармонию строительством небывалого будущего, которая вольна отказаться от реального мужчины или забыть о нем, как героиня Любови Орловой в фильме «Цирк», американки Мэри Биттлбайк вместе со своим черным сыном всем советским народом. Фундаментальные образы самых знаменитых произведений советской литературы о женщинах по-новому интерпретировали мифологии «матери героя» (одноименный роман Максима Горького), классицистической героини, предпочитающей долг любви («Любовь Яровая» Тренева) и романтической подруги умирающего борца за лучшую жизнь («Как закалялась сталь» Н.Островского). Анализ этих произведений, а тем более эпигонских подражаний, которым нет числа, показывает, что традиционному для русской классической литературы мотиву взаимоотношений супругов и любовников здесь отдается предпочтение коллизии «дочь-отец», в которой отцом может выступать товарищ Сталин, советская милиция, армия или весь народ. Вместо призрачного и недолговечного союза с мужчиной отец сулит благородное служение величайшей идее строительства рая, он готов усыновить всех детей и вырастить их героями.

Удивительно ли, что тысячи измученных тяжелой жизнью женщин, потерявших или не обретших мужей в годы репрессий и войн, поверили в этот миф, отдавая все свои силы восстановлению разрушенного хозяйства, осваивая новые станки и теряя слух на ткацких фабриках? Миф выполнял мобилизующую функцию для решения государственных задач и на самом деле манипулировал сознанием и жизнью мужчин ничуть не меньше, чем жизнью женщин. Только иначе.

Некоторые склонны считать, что советская история вообще обидела женщин и не дала им ничего хорошего, что все привнесенное революцией было искусственным и не важным. Это, конечно, не так. Если посмотреть непредвзятым взглядом на историю, то советское законодательство действительно было самым продвинутым и последовательным в отношении деклараций равных прав и возможностей. Женщины действительно получили заметную квоту — 30 процентов от всех выборных голосов. Женщины действительно занимали руководящие посты, получали бесплатное образование и пользовались услугами разветвленной сети детских дошкольных учреждений, которые, кстати, как и все прочие учреждения социальной сферы, начали складываться еще до революции прежде всего силами русских подвижниц и феминисток. Женщины восточных республик действительно освободились от многих вековых предрассудков и сняли паранджу. Женщины действительно имели гарантированные отпуска и льготы, особенно в последний советский период. Другое дело, что женщина никогда не руководила советским государством и единицы входили в высшие органы управления страной. Правда и то, что 30 процентов депутатов-женщин были таким же послушным большинством, как остальные 70 процентов в условиях тоталитаризма. Верно, что далеко не все средневековые традиции удалось искоренить и наши самые образованные в мире женщины получали нищенскую зарплату. Мудрость руководителей эпохи перестройки могла бы выразиться в серьезном анализе социальной политики государства по отношению к мужчинам и женщинам, к творческой переработке того ценного, что все же было сделано. Но этого не произошло. Руко-

водители страны, так же как и прочие граждане, оказались заложниками того же самого мифа — только вывернутого наизнанку.

В том или ином виде советский миф просуществовал до самой перестройки, однако в период «оттепели» он заметно подтаял, дал трещины. Появились альтернативные образы мужчин и женщин в литературе, кино, в сознании общества. Молодые писатели (Аксенов, Гладилин, Войнович и другие) предлагали взамен активистки и ударницы, «девушки с характером» женственную и сексапильную подругу мужчины, увлеченную не политикой, а тряпками. Почвенники (Распутин, Белов, Астафьев) предлагали в качестве идеала патриархальную крестьянку, живущую, как дерево или корова, «натуральной» жизнью и не интересующуюся жизнью общества как такового. И тот и другой образы, живо обсуждавшиеся в дискуссиях 60–70-х годов, являли собой два полюса альтернативы официальному женскому имиджу, закрепленному советской иконографией. Вплоть до горбачевских времен газета «Правда» придерживалась представления о роли женщины как «трудовой единицы» или «работницы и матери» времен Крупской и Коллонтай. Либеральные издания («Литературная газета», «Юность» и другие) все чаще писали о том, что «женщина должна быть женщиной», не стремиться к карьере и успехам на трудовом поприще и ждать хорошего мужа. Почвеннические («Москва», «Наш современник») пропагандировали «носительницу народного нравственного начала» — крестьянку. Ни тот, ни другой образы — я хорошо их помню — не имели ничего общего с реальной жизнью советской женщины последних советских лет.

СТЕРЕОТИПЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

В середине 60-х годов в «Новом мире» Александра Твардовского — самом передовом журнале эпохи — в числе других была опубликована небольшая повесть Наталии Баранской «Неделя как неделя». Повесть имела большой успех за рубежом, изучается сегодня как хрестоматийное произведение по русской литературе, но почти не запомнилась современникам — в ней речь идет об обычной жизни трудящейся советской интеллигентки, которая разрывается между работой, двумя детьми и симпатичным, но бездельником мужем и ничего не успевает. Западная критика увидела в этой повести описание повседневногo ада советской жизни, а советская не обратила внимания — ничего особенного, так живут все. Кстати, и сама автор не стремилась дать резких оценок мужу героини или ситуации — она просто описывала ее. И все же повесть сделала свое дело — в журналах все чаще стали появляться публикации, рассказывающие о частной жизни людей, которая представляла не менее значительной, чем выполнение планов пятилеток. Официальная критика отчаянно ругала авторов-мужчин за негероичность их характеров женщин — за «мелкотемье», за то что писали про роды и аборт, болеющих детях и пьющих мужьях и многом другом. И все равно завеса мифа, заговор молчания относительно женщин начали разрушаться. И первым прорывом феминизма советского времени стоит считать легендарный альманах «Женщина и Россия», выпущенный 20 лет назад Татьяной Мамоновой, Натальей Малаховской, Татьяной Горичевой и Юлией Вознесенской в самиздате, и самиздатский журнал «Мария». Здесь впервые прозвучал протест женщин против вторжения советских войск в Афганистан, здесь были опубликованы материалы о родильных домах и издевательствах над женщинами-заключенными, и многие другие оригинальные тексты,

которые не могли быть опубликованы более нигде. Интересно, что группа не была горячо встречена диссидентской общественностью — в кругу диссидентов бытовало, как и во всем обществе, мнение, что женского вопроса как такового в стране не существует и стоит только поменять систему и власть, чтобы все стало хорошо.

Подвергаясь преследованиям КГБ, все четверо вынуждены были покинуть СССР. Последующий самиздатский журнал «Женское чтение» возник почти через десять лет в том же Ленинграде, уже «по вине» феминистки Ольги Липовской. В нем впервые были переведены тексты некоторых западных авторов и осуществлена попытка определить, что же происходит с мужчинами и женщинами в нашей стране без оглядки на цензуру и идеологию.

Примерно в это же время — в конце 80-х — начале 90-х — и в Москве стали формироваться группы, прежде всего в академических институтах и лабораториях. Женщины, входившие в них (среди первых московских объединений можно назвать «ЛОТОС», «Сафо» и другие) начинали интересоваться западными текстами феминисток, гендерными исследованиями, делали первые переводы и обсуждали вопросы прежде всего философии и социологии. Это совпало с открытием — пока еще робким — «железного занавеса» и проникновением не только в диссидентскую (в которой выросла Ольга Липовская, так же как и ее предшественницы из Ленинграда), но и во вполне respectable среду советской элиты, знакомую с иностранными языками (поначалу это было не обязательным условием — по-русски текстов не было) и негловыми местами в академических институтах, что впоследствии позволило сочетать нарождающийся интерес к проблематике с профессиональными задачами. Интерес к феминистским текстам в те же годы стали проявлять и лесбийские группы («МОЛЛИ» и другие).

В целом же в дискуссиях перестройки женская тема практически не звучала. Женщины, которые стояли в шеренгах активисток демонстраций за демократизацию и восстановление памяти жертв сталинского террора, собирающие подписи под письмами за освобождение Андрея Сахарова из ссылки и за открытие границ, чем дальше, тем больше отодвигались на второй план, уступая место громко-голосым мужчинам. Диссидентская мысль, на некоторое время завоевавшая умы, не желала воспринимать разговор о женщинах. Сами женщины вслед за демократическими газетами того периода повторяли, что пусть руководят лучше мужчины.

Разговор о власти постепенно становился все более мужским. В этом процессе интересна роль Михаила Горбачева. Во многих своих речах он артикулировал популярную среди интеллигенции мысль о том, что «женщину надо освободить и дать ей возможность побольше времени побыть дома». Уверена, он имел в виду прежде всего право выбора — сидеть дома или делать карьеру. Но не привыкшие к плюрализму демократические издания начали последовательно пропагандировать образ хорошенькой домохозяйки, подруги мужчины, не обремененной профессией и работой. Стоит ли говорить, что таких женщин в СССР почти не было — как в силу принудительного трудоустройства, так и в силу низкой зарплаты мужчин. Так гендерный стереотип постепенно заменил идеологический — опять реальные женщины оказались за пределами обсуждения. К слову, и обсуждения как такового не было. За все годы перестройки в лучшем журнале эпохи, «Огоньке», была опубликована единственная статья о женщинах — не о проститутках, нар-

команках и убийцах (о таких как раз писали много), а об обычных современниках. Это было в канун 8 марта 1988 года, и идея автора (кстати, женщины) состояла в том, что единственная проблема советских женщин — низкая зарплата их мужей.

Увы, многие женщины сами разделяли такое утверждение, веря скорее не в истинность «естественного предназначения женщины», но в то, что все, что не разрешалось и не приветствовалось при надоевшей советской тусклой реальности, должно быть хорошо.

Политические газеты и журналы не обсуждали проблем женщин, постепенно в моду стала входить ироническая интонация в отношении женской самостоятельности, на телеэкране появились фильмы о богатых бездельниках и их мужьях. Многие мужчины, страдающие в советское время от комплекса неполноценности в силу низкой зарплаты и отсутствия возможности реализовать свои способности, стали находить самый легкий вид компенсации — унижать женщин только потому, что они не мужчины. Некоторые политики стали позволять себе высказывания типа «мы не для женщин и детей составляем законы», известный режиссер заявлял на всю страну, что «по натуре азиат и считает женщину существом низшим», и никого не возмущали (по крайней мере, публично) проявления этого нового сексизма.

Рынок — точнее, его первые шаги — принес в Россию представление о женской внешности как товаре (картинки с изображениями полуодетых девушек появились не только в бульварных, но и в, казалось бы, довольно уважаемых изданиях), и новые образы героев и героинь. Герой России должен был быть «супермен, с деньгами, бабами, оружием и машинами» (определение известного автора Александра Кабакова, большого демократа), а также то, что лучшие женщины — жены бизнесменов и фотомодели. Трудящиеся женщины были показаны скучными неудачницами, а первые предпринимательницы — как отчаявшиеся устроить личную жизнь. Так советский миф снова мстил, предлагая, новые еще более далекие от жизни стереотипы, заменившие плакатный имидж образцового советского человека.

Печально, что политическая и социальная реальность мало способствовала нормализации ситуации. Популярная либеральная точка зрения, присущая многим молодым реформаторам (в том числе Гайдару), вообще не предусматривала установления каких-либо социальных гарантий для населения при переходе к рынку, не желая «выполнять социал-демократическую повестку дня». Результатом стало то трагическое положение, которое отличает современную Россию: обнищание населения, резкое сокращение сроков жизни, эпидемии, социальное сиротство, голодная старость и беспризорность на уровне гражданской войны.

Начался этот процесс с резкого ухудшения положения женщин. Первая же официальная перепись безработных обнаружила, что более 74 процентов от общего числа составляют женщины, преимущественно квалифицированные, и что им намного труднее, чем мужчинам, найти новую работу или начать бизнес — начинает работать уже сложившийся стереотип дикого российского рынка, согласно которому женщина негласно считалась человеком второго сорта. По экспертным оценкам женская зарплата, в советское время составлявшая около 70 процентов от мужской, в среднем по России теперь не более 45 процентов. Лишь 12 процентов женщин теперь в состоянии регулярно следить за своим здоровьем — разрушена система доступного медицинского обслуживания. Детские сады и ясли также перестали быть доступными и чересчур малочисленны — многие женщины, имеющие детей, просто не в состоянии оплачивать дорогие услуги и вынуждены сидеть дома. Детские пособия (достаточные на покупку килограмма сыра в месяц) не выплачивают годами, в стране 42 процента детей живет за

чертой бедности. Страшную статистику можно продолжать.

Растет жестокость в семьях — более 14 тысяч женщин ежегодно погибают в результате домашнего насилия, а соответствующий закон до сих пор не принят. После некоторого спада вновь растет число абортот, не снижается проблема сексуальных домогательств, прежде всего в частном секторе экономики.

Страшные факты и цифры можно продолжать довольно долго, упомянув, что во власти по-прежнему недостаточно женщин, что возможности женщин не востребованы обществом.

Именно все это и побудило к жизни то женское движение, которое проснулось на Севере и Юге, Западе и Востоке, в университетских городах и шахтерских поселках. Это была прежде всего реакция на происходящие в стране перемены и желание противостоять тем негативным последствиям реформ, которые очень быстро дали себя знать.

Процессы, аналогичные происходящему в России после распада СССР, происходили практически во всех бывших советских республиках. Повсюду женщины выплывали из властных структур, с рынка труда, муссировалась идея «естественного предназначения женщины», идея «настоящей латышки», «настоящей армянки», «настоящей узбечки» и так далее. Всюду разрушалась система социальной поддержки, женщины пополняли ряды беднейших слоев населения, под лозунгами возрождения национальных культур во многих новых независимых государствах набирал силу религиозный фундаментализм. В некоторых странах девушкам было предписано носить паранджу, затруднен доступ к образованию, обсуждалась возможность введения многоженства. Все эти события, начавшиеся в 1991-м и продолжающиеся по сей день, позволяют сделать вывод о том, что во всех постсоветских государствах продолжала работать старая советская традиция, согласно которой трудности очередного переходного периода — теперь перехода к рыночной экономике и национальной независимости — во многом преодолевались за счет женского населения. Так было в годы строек первых пятилеток, так было в годы восстановления народного хозяйства СССР после Великой отечественной войны. Так происходит и при переходе к демократии — и это обстоятельство заставляет серьезно усомниться в последовательности демократического развития.

Факт также заключается в том, что во всех вновь образовавшихся странах в начале 90-х годов появились первые независимые женские организации, которые за прошедшие годы составили сети, движения, центры и пытаются не только помочь нуждающимся, но и воздействовать на ситуацию в государствах в целом. Эти движения и организации не представляют пока некоего оформленного единства, во многом самостоятельны и непохожи друг на друга, однако в то же время тяготеют к обмену информацией, контактам и испытывают интерес как к работе женщин в соседних государствах, так и к международному женскому движению в целом.

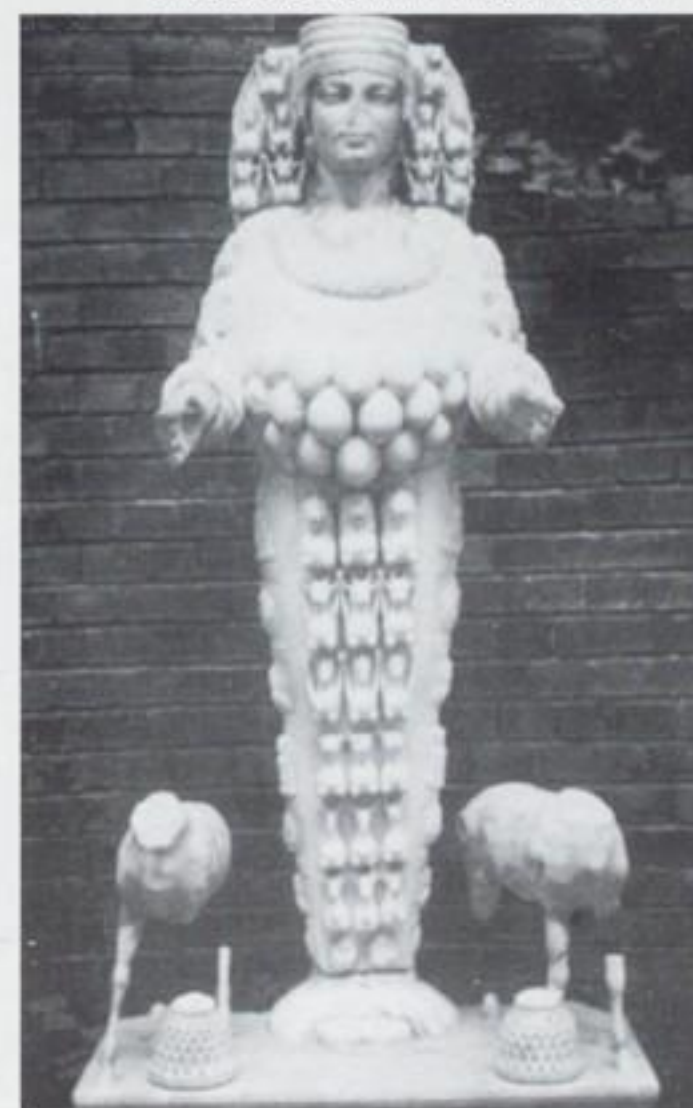
Этот процесс активно начался в самом начале 1990-х годов и претерпел несколько стадий. Исследователи российского и постсоветского женского движения Светлана Айвазова, Наталья Абукирова, Марина Регентова и Елена Кочкина отмечают период 1991–1993 годов, 1993–1995 и с 1995 по настоящее время. Это разделение представляется справедливым и отвечающим не только развитию женского движения, но и становлению в Российской Федерации существующего ныне общественно-политического устройства. Каждый период имеет свои характерные черты и особенности, свои противоречия и скрытые пружины, а также особые формы диалога как между женскими объединениями и властью, так и между женскими груп-

Купите мои яблоки. Фотография из популярного французского журнала конца XIX века. Печатается с разрешения Линды Ноклин.

Купите мои бананы. 1972. Фотография Линды Ноклин.

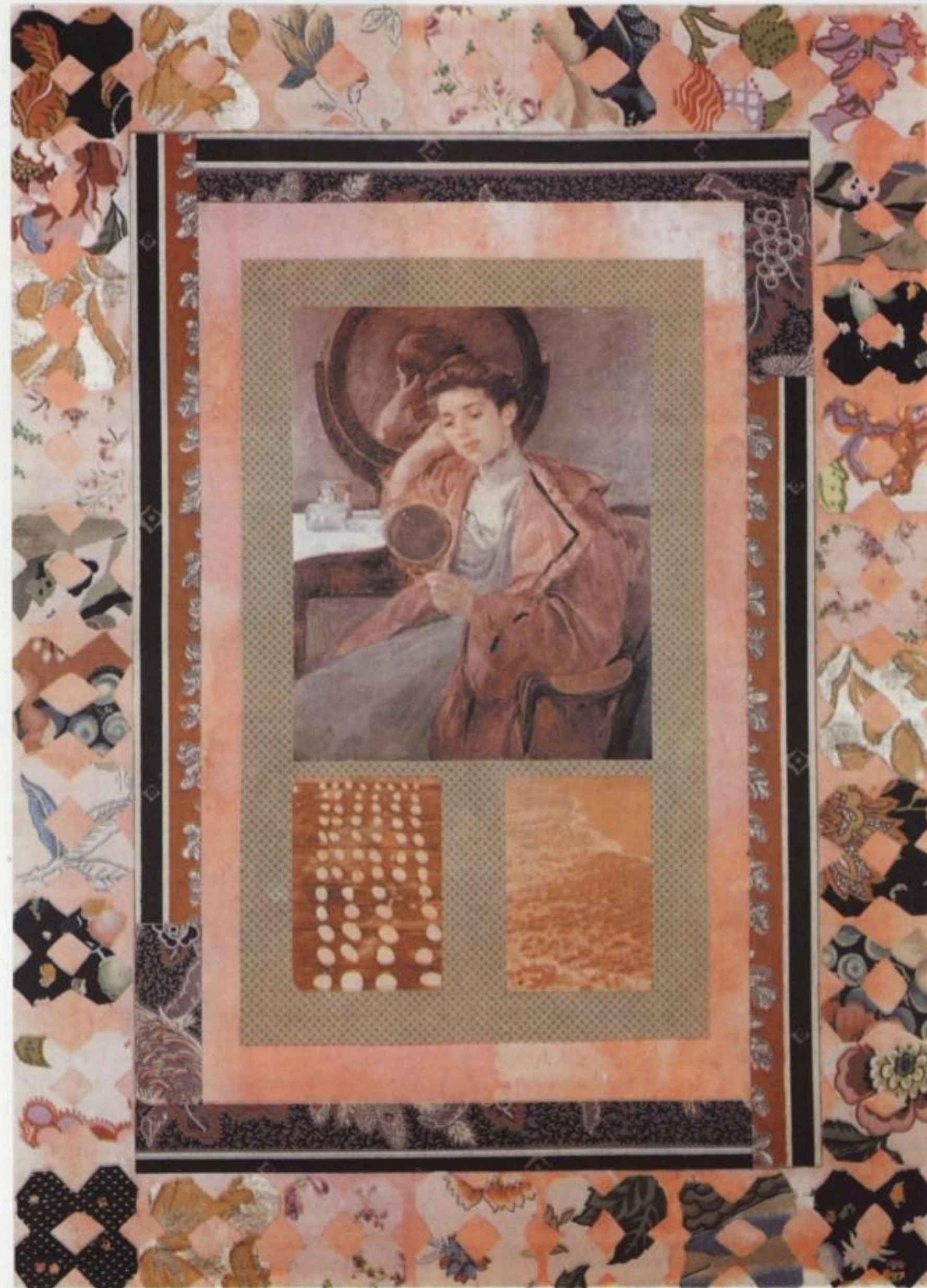
Диана Эфесская (Артемиды). II в. до н. э. Археологический Музей, Эфес, Турция.

Луиза Буржуа в костюме из латекса, изготовленном ею в 1970 г. Впервые опубликовано в октябре 1980 г. в журнале "Bog".

Джуди Чикаго. *Званный обед*. 1974-79. Белый изразцовый пол, расписанный 999-ю женскими именами; треугольный пол из расписного фарфора, лепные фарфоровые блюда, вышивка. Каждое из тридцати девяти мест за столом посвящено какой-либо известной женщине — исторической личности или легендарной. Коллективная работа более 400 человек. Собственность автора.

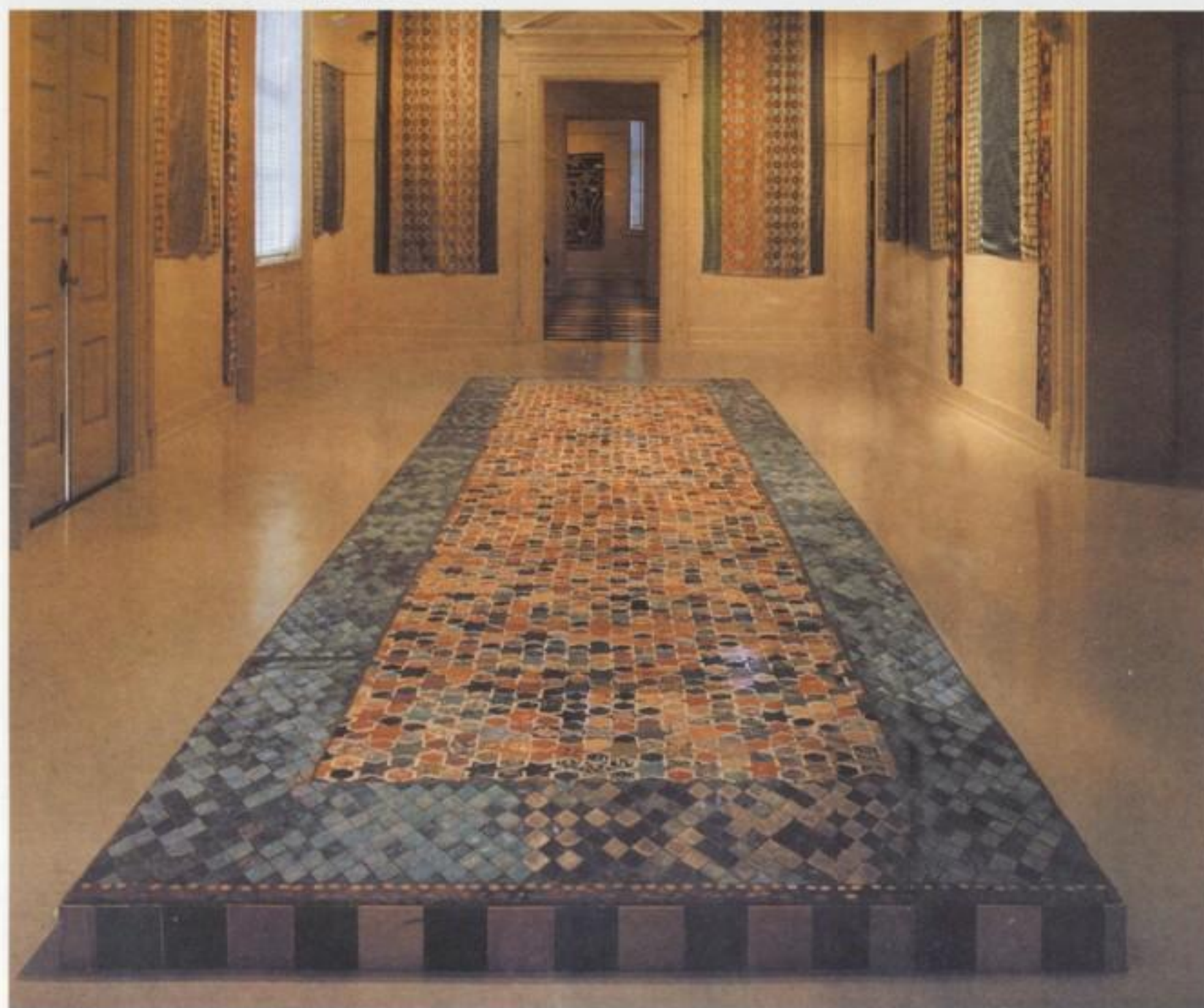
Мириам Шапиро. *Я и Мэри Кассатт*. 1976. Акрил, коллаж. Коллективная работа.

Алиса Нил. Автопортрет в обнаженном виде. 1980. Холст, масло. Национальная портретная галерея, Вашингтон.

Синди Шерман. Без названия №103. 1982. Цветная фотография. Печатается с разрешения "Метро Пикчерз", Нью-Йорк.

Джойс Козлофф. Инсталляция "Декорированный интерьер" в "Минт Музеум", Северная Каролина. Сентябрь 1978 г. Одна из инсталляций, начатых в 1978 г. и завершенных в 1979 г. Включает в себя расписные керамические плитки, пилястры из бетона и фанеры, шелковые полотна, литографии на шелке, наклеенном на шелковую бумагу. Фотография печатается с разрешения автора.

Н.Ажгихина «На пути к обретению силы»

пами между собой и русскими феминистками и западными активистками.

Первый период (1990–1993) был отмечен распадом СССР, началом рыночных реформ, дефицитом товаров и услуг, первой безработицей и другими острыми социальными последствиями экономического переустройства общества. Взаимоотношение женщин и власти было крайне незначительным (как уже говорилось, в высшие органы власти в 1991 году прошло лишь 5 процентов женщин). Господствовала идея «естественного предназначения женщины», началась экспансия западной и российской порнографии на журнальный рынок и в кинопрокат.

В стране действовали три группы женских организаций. Первая состояла из активистов региональных отделений Союза женщин России (бывший Комитет советских женщин), стремившихся найти место в меняющейся структуре общества и бюрократии, в их риторике были сильны советские нотки, с западными феминистскими текстами знакомства они не обнаруживали, хотя, по традиции, сохраняли старые, еще с советских времен, связи с представительницами международного женского движения (ибо только члены комитета имели возможность когда-либо участвовать в международных конференциях до 90-х годов).

Другая группа состояла из сторонниц Женской лиги и примыкающих к ним организаций — женщин, начавших свой бизнес или работающих в бизнесе или администрации, достаточно благополучных представительниц общества, стремящихся найти новую нишу. Они стремились завязать контакты с западными коллегами, прежде всего деловые, феминизм их интересовал, но не превращался в способ жизни.

Третья — наиболее интересная группа — состояла из множества организаций, сплотившихся вокруг Первого и Второго независимых женских форумов, состоявшихся в 1991 и 1992 годах в подмосковном городе Дубне. На первом присутствовало более 200, на втором — около 1000 женщин, приехавших из многих регионов России, стран СНГ, Европы и Америки. Заметную роль в руководстве Оргкомитета форумов играли представительницы нового Московского центра гендерных исследований (лаборатория Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук), лидеры просветительской организации «Фальста», женщины-кинематографистки. Состав участников был пестрым по возрасту, образованию, интересам — были строгие работницы предприятий оборонной промышленности и раскованные молодые художницы, кандидаты философских наук и милиционеры, бывшие комсомольские активистки и диссидентки. Всех объединяло желание понять, что же происходит с женщинами в меняющемся мире. Эта была первая большая встреча российских женщин с западными феминистками. Слово «феминизм» в России был не в моде, смысл его не всем был понятен, и диалог шел довольно трудно. Но он состоялся! Результатом стало начало создания женской сети, появление новых групп, новые подруги за рубежом, новые идеи и планы. Лозунг форумов «Демократия без женщин не демократия» стал знаменем всех последующих лет работы и борьбы российских женщин.

Период 1990–1993 стал периодом и начала личных контактов специалистов разных стран, открытия иностранной литературы и первых переводных статей о феминизме в России. Российские исследовательницы

начали принимать участие в международных конференциях, планировать совместные проекты с западными коллегами, осваивать новую методологию. Особенно важно это было в области общественных наук, и в частности, гендерных исследований, о которых раньше в России мало что знали. В это время были проведены первые гендерные исследования, посвященные месту женщины на рынке труда, гендерным отношениям и власти, были выпущены первые сборники на эту тему. К сожалению, они оставались известными лишь узкому кругу заинтересованных специалистов в России и не имели общественного резонанса.

Журналисты еще только начинали проявлять интерес к гендерным проблемам, «женская тема» волновала лишь узкий круг столичных литераторов, которые собирались на семинары и обсуждения в помещении Внешнеполитической ассоциации или журнала «Огонек», — эта группа положила начало будущей Ассоциации журналисток. Собирались женщины-кинематографистки, художницы. Приглашали в гости западных коллег, много спорили — пока в узкой аудитории. Шло накопление опыта.

Нельзя не сказать и о том, что в начале 90-х западные фонды начали проявлять интерес к гендерной проблематике в России. Фонд Сороса спонсировал встречу русских и американских писательниц в Нью-Йорке, фонд Макартуров дал первый грант на работу Московского центра гендерных исследований, а вскоре включил женскую тему в число приоритетных направлений работы в России и бывшем СССР.

Следующий этап — 1993–1995 — был отмечен углублением рыночных реформ, вестернизацией образа жизни многих людей, новыми выборами, в ходе которых впервые заявила о себе предвыборная группа «Женщины России», сформированная Союзом женщин России, Союзом женщин Военно-Морского Флота и Союзом женщин-предпринимателей. Группа носила центристский характер, в те годы не признанный еще актуальным, как сейчас,

экономическая и политическая позиции ее были не вполне ясны, зато артикулированы требования социальной защиты и улучшения положения женщин. Группа преодолела необходимый 5-процентный барьер и составила фракцию в Государственной Думе. Фракция смогла провести через парламент новый Семейный кодекс и ряд законов о семье, но не успела закончить работу по проведению законов о планировании семьи и домашнем насилии. Во время начала военных действий в Чечне фракция проявила медлительность, не нашла контакта с движением, выступавшим против войны, «Солдатские матери России» и начала терять популярность, игнорировала инициативы многих независимых общественных женских организаций. Начались и раздоры внутри фракции, что привело к ее поражению на следующих выборах.

Значение работы фракции все же не стоит недооценивать — впервые женщины выступали в политике как отдельная группа со своими интересами (и были представлены в целом, включая другие блоки, 13 процентами депутатов), о положении женщин начали говорить в обществе. Во всяком случае журналисты подняли проблему домашнего насилия достаточно остро и смогли переломить общественное мнение, убедив население в том, что это постыдное зло, требующее государственного вмешательства, а не частное дело каждого. В то же время женское движение обнаруживает несколько весьма разных составных. Отчетливо

прослеживается разница между элитарными московскими и петербургскими группами, объединяющими высокообразованных женщин, в основном исследователей, знающих языки, получающих гранты и путешествующих по миру, и женскими группами в регионах России, создавшимися прежде всего как группы самопомощи. Таких объединений (бывших безработных, одиноких или многодетных матерей, солдатских матерей, женщин-инвалидов и других) создано великое множество по всей России. Заявляют о себе крупные региональные организации, объединяющие тысячи человек. — Союз женщин Дона, Конгресс женщин Кольского полуострова, Конфедерация деловых женщин Урала и другие. Эти организации не пользовались в ту пору в основном поддержкой из-за рубежа, испытывали недостаток литературы и знаний в области гендерных исследований, прав женщин и прав человека. Контакт между двумя этими группами не всегда проходил гладко, возникало взаимное непонимание. Началось соперничество элитарных групп друг с другом. Попытка создания единой зонтичной независимой организации (в своем роде альтернативы фракции в Государственной Думе) успеха не имела. Диалог женщин не был един, он представлял собой бурлящие очаги, редко соединяющиеся. Не могло не сказаться и то, что в новом независимом женском движении участвовали в большинстве своем люди, не обладающие опытом публичной или организаторской работы, и культура дискуссии в обществе еще не была наработана в принципе — за несколько лет демократии люди еще не научились спорить, не оскорбляя друг друга. Местом встречи диспутантов, той площадкой, на которой могли бы встретиться оппоненты и, быть может, найти некоторые точки конструктивного сотрудничества, по мнению Ассоциации журналисток, должна была стать площадь газет и журналов. Многочисленные дискуссии, круглые столы, открытые обсуждения на самые разные темы, связанные с жизнью женщин, региональные, международные и национальные обсуждения — вот характерная примета этого периода. Напряженные споры, выяснение истины, обретение путей сотрудничества — в этих обсуждениях участвовали журналистки, не только в Москве, но и в Сергеевом Посаде, Набережных Челнах, Иркутске, Мурманске и других городах.

В период с 1995 года по настоящее время ситуация снова стала иной. В парламенте нет больше женской фракции, женщины-парламентарии разобщены и поддерживают прежде всего партийные интересы, резко конкурируют, и их число (8 процентов) не влияет на решения по улучшению положения женщин. Лидеры бывшего блока разошлись и создали две конкурирующие организации, одна из которых вошла в новый предвыборный блок «Отечество» в 1999 году, а другая создала самостоятельное объединение в сентябре 1999 года — слишком поздно, чтобы рассчитывать на серьезный успех.

Претерпело изменение и женское движение. На сегодняшний день в России нет единой организации, аккумулирующей интеллектуальный, творческий и политический потенциал женщин, способной оказывать влияние на власть. Нет и харизматического лидера, способного повести за собой, хотя во всех регионах набрали опыт и силу яркие личности, воспитанные

общественным женским движением. Движение представляет ряд коалиций, так или иначе взаимодействующих в решении конкретных задач. Увы, не политических. Голос женщин звучит громче, в том числе по ТВ и в прессе, к женщинам начинают прислушиваться, и это от радно.

Тем не менее по результатам анализа, проведенного Ассоциацией журналисток, в 1998 году лишь 1,5 процента от всех газетных площадей был посвящен разговор о женщинах и их проблемах (для сравнения: в 1995 году это был лишь 1 процент). Однако среди женских образов прессы, радио и ТВ появились новые, реалистичные образы. Образы женщин, которые трудятся, творят и хотят и умеют изменить жизнь России. Об этом говорят передачи радио «Надежда», об этом рассказывают материалы полосы «Женщины» в «Независимой газете», которая регулярно выходит уже три года.

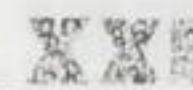
Запад сегодня уже не кажется русским феминисткам единственно верной моделью, а западные женщины — миссионерами. Напротив, российское женское движение ищет свои пути, свои решения, творчески перерабатывая международный опыт. Важным этапом на этом пути была всероссийская конференция, посвященная 90-летию женского движения в России в 1998 году, и ряд других обсуждений.

Изменился характер взаимодействия с Западом. На сегодняшний день многие региональные организации получают поддержку от западных фондов — Института «Открытое общество», «Евразия», Фонда Макартуров, Фонда Форда, Фонда Генриха Белля и других, многие региональные лидеры вошли в координационные советы международных женских организаций. После Пекинской конференции ООН по положению женщин в 1995 году (участвовало более 200 россиянок) в международных форумах принимали участие тысячи российских женщин, артикулируя проблемы России и донесших решения форумов до активисток движения.

Возросло в несколько раз число правозащитных организаций, кризисных центров и других форм защиты интересов женщин. Центры гендерных исследований существуют в Петербурге, Набережных Челнах, Архангельске, Иванове, Петрозаводске и других городах, гендерные курсы начинают входить в университетские программы, состоялись несколько летних школ по гендерным исследованиям в России и на Украине.

Ширится независимая женская пресса. Журнал «ВЫ и МЫ» преобразовался из российско-американского диалога в диалог женщин всех стран. Помимо него, выходят журналы «Девочки просят внимания» (Набережные Челны), «Посиделки» (Санкт-Петербург), «Новый Север» (Мурманск), «Женщина+», «Аксинья» (Ростов-на-Дону), «Вера, надежда, любовь» (Новгород), «Псковитянка» (Псков) и другие. Существуют женские электронные сети, ширится круг феминистской периодики в странах СНГ, доступной российскому читателю.

Женщины набрались опыта, женщины ищут новых путей реализации своих сил и способностей. И не теряют веры в то, что этот потенциал будет востребован в демократической России.

РОЛЬ ЖЕНЩИН В ИСТОРИИ ВИЗУАЛЬНОГО ИСКУССТВА XX века

Заявленная тема очень обширна, охватить ее полностью практически невозможно. Поэтому речь пойдет об отдельных персоналиях, периодах и явлениях, представляющих для понимания роли художниц в истории визуального искусства XX века.

В России начало XX века ознаменовалось появлением целой плеяды замечательных художниц: Натальи Гончаровой, Александры Экстер, Надежды Удальцовой, Любови Поповой, Варвары Степановой, Ольги Розановой, Веры Хлебниковой. Исследовательница женского изобразительного искусства Наталья Шарандак пишет: «К началу XX столетия формируется «тип» профессиональной русской художницы. Характерными его чертами является ощущение самоценности своей личности, высочайшая степень самоосознания и наряду с этим отождествление себя с ролевой моделью художника-мужчины, что влечет за собой дистанцирование себя от традиционного образа художницы» (1). Известно, что, несмотря на общую промышленную отсталость России, русские творческие женщины начала века имели преимущества перед художницами Запада. Они могли поступать в высшие учебные заведения, принимать участие в художественной жизни наравне с мужчинами: выставляя свои работы, входить в состав различных творческих объединений и жюри. Ни о чем подобном западная художница того времени не могла даже помыслить.

Наибольшее влияние на изобразительное искусство из художниц того времени оказали Александра Экстер и Наталья Гончарова. По утверждению литературоведа Джона Боулта, Экстер, наряду с Малевичем была единственной представительницей русского авангарда, создавшей «школу». В 1914 году она вернулась из Парижа в Россию. Будучи хорошо знакома с последними достижениями европейского авангарда (в Париже она общалась с Пабло Пикассо, Гийомом Аполинером, Соней и Робертом Делоне), Экстер увлекла новыми идеями многих российских художников. О возникновении школы Экстер можно говорить с 1916 года, когда, поселившись в Киеве, она начала давать уроки таким впоследствии известным художникам, как Александр Тышлер, Павел Челищев, Анатолий Петрицкий и другим. Неоценим вклад Экстер и в театральное искусство России первой половины XX века. Удивительным по своей самобытности и масштабности было творчество Натальи Гончаровой. Великолепный станковый живописец-монументалист, она делала гравюры и оформляла книги, писала декорации и эскизы костюмов для театра. С 1911 года начинается ее увлечение примитивистским искусством. «Гончарову интересовали архаические истоки примитива. Художницу можно было бы назвать примитивисткой в том особом значении слова, который отличает серьезный, даже сумрачный примитив от примитива фольклорного, в своей первооснове — праздничного. На смену этому приходили интонации патетической суровости, настоящие «дикость» или даже «истовость» примитивного мироощущения» (2), что отличало ее работы от произведений близких ей художников: Ларионова, Кончаловского, Машкова.

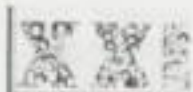
К сожалению, благоприятный для искусства период закончился в России в конце 20-х, начале 30-х годов с разрыванием процесса коллективизации. С этого

момента начинается массированное наступление государства на любые самостоятельные творческие объединения. Среди покинувших Россию интеллигентов были Гончарова и Экстер, продолжившие работу на Западе и немало сделавшие для популяризации русского искусства.

Работы этих двух художниц, как и других представительниц русского авангарда получили широкий международный резонанс отчасти благодаря особому интересу западных арткритиков к русскому искусству начала века. Большое значение в популяризации этих имен имели и исследования феминисток. Последние чрезвычайно много сделали для восстановления исторической справедливости. Благодаря их усилиям, работы художниц, занимавших в 40–60-е годы относительно маргинальное положение, теперь находятся в центре критического артдискурса. Это произошло, например, с произведениями Мерет Оппенгейм, разносторонней художницы, близкой французскому сюрреализму, с выдающейся американской художницей-живописцем Джорджией О'Киф, с ныне культовой фигурой мексиканского искусства Фридой Калло и многими другими художницами, без которых невозможно представить современное искусство XX века. Между тем еще в 50–60-е годы имена женщин в истории искусства практически не фигурировали. В 1962 году появилась «История искусства» американского критика Джэнсона (H.W. Janson), в которой не было упомянуто ни одной художницы. Ситуация резко изменилась в 70-е годы в связи с появлением на Западе течения радикального феминизма.

Радикальный феминизм, возникший на Западе в 70-е годы, провозглашал идеи о единстве женского опыта, обусловленного особым анатомическим строением женщины. Наиболее яркими выразителями такого взгляда стали американские художницы: Джуди Чикаго и Мэриам Шапиро. В начале 70-х в калифорнийском институте они начали преподавать девушкам искусство по разработанной ими программе. Цель подобных занятий, на которые мужчины не допускались, состояла, кроме всего прочего, в том, чтобы инициировать обсуждение проблем, связанных с особенностями женской физиологии, с фрустрациями в семье и в отношениях с противоположным полом. Студентками и преподавательницами был создан «Женский дом», где каждая комната была организована как художественная инсталляция, отражающая женское восприятие домашнего пространства.

Женская анатомия и сексуальность всегда были «белым пятном» в истории изобразительного искусства. Пришло время радикально изменить ситуацию, открыто заговорить о женской телесности, репрезентировать ее визуально, доказывали Шапир и Чикаго, предпринявшие колоссальную работу по составлению архива женского искусства. В музеях, но главным образом в частных собраниях (в музеях тогда было очень мало работ женщин), они искали произведения художниц, делали с них слайды. С этим архивом они объездили всю страну, читая лекции и популяризируя женское творчество. Художницы были убеждены, что во всех женских работах можно найти ярко выраженный центр, вокруг которого выстраивается вся образная система произведения, «central core imagery», репрезентирующая женскую сексуальность. Тема высокого предназначения женщины выражена в классической

работе Чикаго под названием «Ужин». Эта инсталляция, отсылающая к евангельской Тайной вечере, представляет из себя треугольный стол, на котором расставлено 39 столовых приборов для знаменитых женщин, например, Салфо, Фриды Калло и других. Для каждого исторического персонажа вышивалась отдельная скатерть с именем женщины, на ней стояла тарелка с условным изображением гениталий. (Проект осуществлялся множеством женщин, делавших по эскизам Чикаго керамическую посуду, вышивавших столовое белье). Тарелки поражают своей живописностью и разнообразием, а белый пол, на котором стоял стол, был покрыт именами почти тысячи известных женщин. Суть этой работы состояла в чествовании знаменитых женщин, в создании альтернативной, женской истории искусства, Herstory, в расширении границ Прекрасного.

Эта работа, как и другие работы Чикаго и Шапиро, а также работы, выполненные их студентками, вызвала широкий резонанс. Многие феминистки сделали их своим знаменем, но одновременно художницы подверглись массивной критике, спровоцировав в печати важный дискурс об эссенциализме, в приверженности которому их постоянно упрекали. Эссенциализм настаивает на бинарной оппозиции женщина\мужчина и на изначальности и неизменности качеств, присущих только женщинам. Деррида называл эссенциализм «формой фальшивого универсализма» (3). С этой точкой зрения трудно не согласиться. Утверждение Чикаго и Шапиро, что работы художниц в конечном счете обусловлены общностью женской анатомии и с неизбежностью на ней фиксированы, представляется надуманным и продиктованным идеологическими соображениями, прежде всего необходимостью противостоять фаллоцентрическому подходу к истории искусств. Однако несомненная заслуга этих художниц состояла в инициации нового движения в искусстве, феминистского; в осознании необходимости репрезентации нового взгляда на женское тело, взгляда самой женщины, в то время как прежде субъектом подобного взгляда был исключительно мужчина. В результате художницами того времени было создано множество новаторских произведений, ставших теперь классическими и оказавших значительное влияние на искусство 80–90-х годов.

Одним из таких важных явлений, возникших благодаря феминистскому искусству, стало движение за новую орнаментальность и декоративность. В конце 70-х начале 80-х годов, декоративное искусство, считавшееся прежде маргинальным в контексте модернистского минималистского движения, усилиями некоторых художниц и художников начало утверждать себя в качестве «Fine art», т.е. большого искусства.

Декоративное искусство традиционно относили к искусству женскому, предполагалось, что оно носит чисто бытовой характер. Например, знаменитые архитектор Ле Корбюзье и художник Озенфан утверждали в 1918 году, что в искусствах существует строгая иерархия, согласно которой декоративное искусство всегда на дне, а искусство человеческих форм — на вершине. Далее следовало краткое и безапелляционное объяснение: «Потому что мы мужчины» (4). Феминисткам, прежде всего Мэриам Шапиро и американской художнице, Джойс Козлофф, как и примкнувшим к ним художникам удалось доказать, что эта иерархия является абсолютно ложной, что искусство декорирования ничуть не ниже абстрактных минималистических форм, а орнамент всегда был неотъемлемой частью искусства с самых древних времен. Благодаря им в Америке и Европе орнаментальное и декоративное искусство оказалось в центре искусствоведческих дискуссий и выставочной деятельности престижных галерей и музеев.

Инициатором такого положения дел можно смело назвать Шапиро, которая обратила внимание на ис-

ключительное разнообразие и ценность традиционного американского искусства quilt(ов), т.е. одеял, сшитых из лоскутков. Она собрала впечатляющую коллекцию подобных одеял и начала включать их фрагменты в свои инсталляции с указанием имен, создавших их женщин, придав таким образом маргинальному искусству рукоделия высокий статус большого искусства, которое демонстрируется в музеях и галереях.

Несомненно, что в контексте современного опыта, на рубеже нового тысячелетия, многие идеи радикального феминизма 70-х кажутся утопичными. Тогда «художницы\ки, критики и историки, бывшие частью феминистского движения, верили, что, как и само женское движение, искусство женщин-феминисток иницирует нечто абсолютно новое, историю Номер Два западной культуры, всегда бывшей дополнительной по отношению к основной маскулинной истории, которой предстоит теперь стать историей Номер Один. Цель феминизма, как тогда провозглашалось, заключается в изменении самой природы искусства» (5), привнесении в нее новой перспективы, которую дает женский взгляд. Считалось, что в результате возникнет культура Номер Три, основанная на гендерном балансе, когда женская и мужская точки зрения будут представлены в равной степени.

Прошедшие тридцать лет показали, во-первых, что нет единой женской перспективы, что не все женское искусство с необходимостью является феминистским, что современный «постфеминизм» (самоопределение тех, для кого феминистский контекст в искусстве остается значимым) существует в формах, значительно отличающихся от предшествующих. Критики Норма Броуд и Мэри Д. Гаррард утверждают, что феминистское искусство и арткритика помогли иницировать течение постмодернизма в Америке. «Мы обязаны феминизму базисными основаниями постмодернизма: пониманием, что гендер конструируется с помощью социальных, а не природных механизмов; высокой оценкой искусства, которое нельзя отнести к разряду «high art», например, ремесел, видеоарта, перформанса; отрицанием культа «гения», характерного для истории западного искусства; осознанием, что за видимостью «универсализма» лежат партикулярные мнения и интересы» (6). Весь этот комплекс идей и представлений о разнообразии и неоднозначности явлений лег в основу современного искусства и арткритики.

Наиболее ярко постмодернистский подход к истории культуры проявился в работах таких современных западных художниц, как Синди Шерман, Барбара Крюгер, Дженни Хольцер, Аннет Люмье, Ребекка Хорн, Розмари Трокель и некоторых других.

Особый интерес критики вызывает творчество американской художницы Синди Шерман. Особенность ее работ состоит в том, что она одновременно выступает объектом и субъектом своих произведений, используя свое собственное тело для репрезентации различных культурных мифов. Тело Шерман постоянно подвергается изменениям, принимает различные облики. Нам наглядно демонстрируется процедура его конструирования посредством фотографии с активным использованием переодевания, макияжа, накладных частей, освещения и других технических приемов.

Одна из ранних известных фотосерий Шерман — это «Кадры из фильмов», где художница создает иллюзию стопкадров из различных фильмов 60-х — начала 70-х годов. Нам кажется, что мы узнаем героинь Хичкока или Годара, героинь фильмов Новой волны или неореализма, хотя на самом деле эти фотографии — всего лишь стилизация мифа, симулякр образов 70-х, то есть симулякр симулякра. Согласно Ролану Барту, миф — это всего лишь деполитизованная речь, часть идеологии, попытка вывести событие из исторического контекста, придать ему черты универсаль-

ности, естественности и истинности, представить «вещи как они есть». По словам одной из самых влиятельных западных критиков, Розалинд Краусс: «Репрезентация как таковая — фильмы, романы и все остальное — часть серии механизмов, с помощью которых персонажи конструируются в равной степени как в фильмах, так и в жизни. И по этой логике женщина — ничто, кроме маскарада, ничто, кроме имиджа» (7).

Одна из последних фотосерий Шерман «Сексуальные картинки» (Sex Pictures) вызвала споры в феминистском сообществе. В то время, как некоторые феминистки видят в этих образах насилия и трупного разложения (Шерман использовала манекены для сцен с порнографическими коннотациями и собственный образ для изображения разлагающихся трупов или чудовищных полуантропоморфных существ) подыгрывание садистическому мужскому воображению, другие (причем, из числа наиболее влиятельных) находят в них убедительную иллюстрацию современного сознания, для которого существенная прежде граница между «оригиналом» и «копией» окончательно стерлась. И, если прежде репрезентация ужасов воспринималась как фантомальное и временное явление (как ни страшен сон, вы всегда можете от него пробудиться к «реальности»), то в постмодернистском мире, для которого оппозиция видимое\реальное стала несущественной, а реальность давно поглощена репрезентацией, «субъекту некуда бежать, потому что не существует пространства вне театра репрезентации» (8).

Приведенные цитаты из западной арткритики наглядно демонстрируют связь современного женского искусства с критическим философским дискурсом. Это приводит к тому, что работы художниц часто воспроизводятся в качестве иллюстраций к провозглашаемому идеологемам, а статьи о них непрерывно цитируются. Так или иначе они стали частью западного (в основном американского) интеллектуального истеблишмента. Такая ситуация приводит к двойным последствиям. Во-первых, в тени десятка имен преуспевших художниц теряются имена многих других, не менее интересных творческих женщин. За счет широкой репрезентации белых художниц в тени оказывается Другая культура, культура черных, цветных женщин или лесбиянок. Кроме того, признание получили в основном художницы, работающие в Америке. Например, книга-антология «Мощь феминистского искусства», изданная в 1994 году Нормой Броуд и Мэри Д. Гаррард, посвящена почти исключительно американским художницам. Эту несправедливость пытается исправить издательница международного феминистского журнала «N.paradoxa», англичанка Кэти Дипвелл. В этом журнале можно найти статьи женщин-критиков о работах художниц всего мира: австралиек, шведок, сербок и многих других. Журнал интересен также тем, что в нем слышен голос самих художниц, часто владеющих современным дискурсом не хуже арткритиков — в нем представлено множество интереснейших интервью с творческими женщинами. Хочется отметить интервью с выдающейся шведской художницей Кирстен Джагстенсен, давно и плодотворно работающей в жанре перформанса, инсталляции, инвайронмента, фотографии, видео и кино. Вместе с другими шведскими художницами она была участницей скандинавского феминистского движения 70-х «Красные чулки», когда студентки университета в огромных

шляпах, с искусственной грудью из надувных шаров маршировали по площадям и произносили политические речи.

На примере этих описаний видно, как широко было распространено феминистское движение в те героические годы, насколько оно было связано с общеевропейским антибуржуазным студенческим и демократическим движением. В брежневской России ни о чем подобном нельзя было и помыслить. О феминизме тогда вообще знали единицы, а в Союзе художников СССР наряду с мужчинами немалое количество женщин-художниц было занято выполнением социального заказа. Современное искусство в то время развивалось только в подполье, где женщинам-художницам отводилась в основном подсобная роль: их задача состояла в том, чтобы помогать мужчинам в осуществлении их творческих замыслов. Тем не менее и в этих условиях появилось несколько женских имен, среди которых можно назвать Ирину Нахову, Елену Елагину, Наталью Абалакову, Веру Хлебникову и некоторых других.

Только сейчас, в конце 90-х, можно говорить о возникновении в России подобия феминистического искусства, что вызвано, вероятнее всего, изменившимися экономическими условиями, в контексте которых женщины начали утрачивать те права и социальные гарантии, которые, казалось бы, принадлежали им по праву. С развитием дикого капитализма в России появляются и предпосылки для восприятия феминистского дискурса, а, следовательно, и для репрезентации его средствами изобразительного искусства.

Об успехах женщин за последнее десятилетие в области визуального искусства свидетельствуют результаты престижнейшей международной выставки, последнего Венецианского Биеннале 1999 года. Из 103 художников в нем участвовало 25 женщин, то есть 24% от общего числа, тогда как прежде в ней принимало участие не более 10–20% художниц. Из 90 кураторов и комиссаров выставки было 30 женщин. То есть не менее 33%. Учитывая эти соотношения цифр, тем более впечатляет тот факт, что среди всех художников, получивших премии, 50% составляли женщины (9).

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Н.Шарандак. ««Я — художник» Самоидентификация художницы дореволюционного и советского времени», «Преображение», М., 1997.
2. Г.Поспелов. «Бубновый Валет», «Советский художник», М., 1990.
3. Faith Wilding. «The Feminist Art Programs at Fresno and Calarts, 1970–1975», «The Power of Feminist Art», Harry N. Abrams, INC., Publishers, New York, 1994.
4. Norma Broude. «The Pattern and Decoration Movement», «The Power of Feminist Art».
5. Norma Broude & Mary D. Garrard. «Introduction: Feminism and Art in the Twentieth Century», «The Power of Feminist Art».
6. Ibid.
7. Rosalind Krauss. «Cindy Sherman», Rizzoli International Publications, New York, 1993.
8. Norman Bryson. Ibid.
9. «N.paradoxa», volume 4. London, 1999.

ФЕМИНИЗМ АФРИКАНСКОГО ЦВЕТА

В египетском парламенте (Народном собрании) развернулись горячие дебаты вокруг законопроекта о введении изменений в семейном законодательстве страны. Предлагаемые поправки упростят процедуру развода для женщин. Сегодня египетский мужчина может получить развод практически без проблем, в то время как женщине, подающей на развод, нужно еще доказать факты плохого обращения со стороны мужа (процедура весьма сложная и запутанная, бывает, что женщины по 10 лет ожидают разрешения бракоразводной тяжбы). Кроме того, неравенство полов сохраняется и в браке — жена не имеет права уехать за рубеж без согласия супруга. Сторонники семейной реформы настаивают на том, что «невыездная» жена имеет право обратиться в суд и добиться справедливости независимо от того, собиралась она разводиться или нет. Одновременно жаркие споры разгорелись по поводу права женщины подавать на развод по причине «психологической несовместимости» с супругом. Правда, в этом случае сохраняется существенная оговорка: женщина должна вернуть калым, т.е. выкуп, который будущий муж в свое время уплатил родителям невесты.

Итак, вернула деньги — и можешь быть свободна, согласия мужа не требуется. Однако, несмотря на одобрение законопроекта высшими религиозными властями Египта, парламентские дебаты сразу получили яркую религиозно-политическую окраску. Противники предлагаемого закона есть и в правящей Национал-демократической партии, располагающей абсолютным большинством мест в Народном собрании, не говоря уже о консервативных традиционалистских кругах. Они считают реформу семейного законодательства «антиисламской» акцией, разрушающей вековые семейные устои. Левые (социалисты из Национально-прогрессивной партии) в гораздо большей степени склонны поддержать предлагаемые нововведения. Наряду с религиозными аспектами закона дебатировалась актуальная не только для мусульманского мира сугубо феминистская тематика.

Для левых реформа является логическим продолжением дела Гамалы Абдель Насера, который, как любят выражаться каирские интеллектуалы, «снял чадру с лица египтянки». Показательно, что идеи эмансипации женщин популярны в мусульманской Африке в целом. При этом главными оппонентами реформы семейного законодательства выступают, как заметил однажды марокканский министр внутренних дел Дрис Басри, «люди, несколько более, чем остальные, чувствительные в религии». Надо сказать, что Марокко относится к тем арабским странам, где женщинам разрешено участвовать в выборах, причем и голосовать, и быть из-

бранными; например на парламентских выборах 1993-го и 1997 гг. в парламент стабильно проходили по две женщины-депутата.

Но если в Африке вопросы женской эмансипации зачастую воспринимаются весьма болезненно, то во многих мусульманских странах Черной Африки они представляются уже, по существу, решенной проблемой. Интересен в этом плане пример Гвинейской Респуб-

лики, где реформа семейного права была в 60-е годы в эпоху правления Ахмеда Секу Туре, кстати, современника и большого друга первого египетского президента. При Секу Туре составной частью системы местного самоуправления стали женские советы. Такое положение в целом сохранилось и до настоящего времени. На собрании женсовета любая жена может обличать мужа в самых разных прегрешениях, скажем, в измене или рукоприкладстве. Помимо общественного порицания, ему грозит штраф в пользу родственников жены и/или местной общины, размеры которого определяет все тот же женсовет. Для мужчины же бороться с женсоветом через суд мало перспективно и даже зазорно. Любопытно, что в соседнем Сенегале, несмотря на более высокий уровень социально-экономического развития, в имущественном плане разводящаяся женщина имеет гораздо меньше прав: при разделе имущества ни о каких «штрафных» денежных санкциях по отношению к мужу речи в принципе быть не может, по старинной традиции женщине позволено забрать только то, что она сама может унести с собой (или на себе — имеются в виду украшения, одежда и пр.).

В Черной Африке развитие феминизма неоднократно вступало в противоречие с самой логикой существования авторитарных режимов, которые стремились ограничить женскую эмансипацию главным образом семейно-бытовой сферой. Тому же Секу Туре в 70-е годы приходилось подавлять антиправительственные выступления женских политических группировок. Точно так же и генерал Абача в Нигерии преследовал оппозиционное женское движение, одним из лидеров которого была Кудират Абиола (первая жена низложенного военного победителя на президентских выборах 1993 г. Мошуда Абиолы) — с ней агенты нигерийской охраны жестоко расправились в июне 1996 года.

Таким образом, первоначально ставя перед собой чисто феминистские задачи, женское движение со временем приобретало общеполитический характер. В мусульманских странах подобные перспективы не могут не настораживать консервативные слои общества с их традиционным отношением к «фундаментальным» основам исламского мировосприятия.

«ЖЕНЩИНЫ В ПАУТИНЕ ИНТЕРНЕТ»

Прошло пять лет как на основе технологии WWW (World Wide Web — Повсеместно Протянутая Паутина) начало формироваться новое информационное пространство «без границ» — Интернет. В настоящее время, возможности Интернет порождают иллюзию о формирующемся свободном Кибберпространстве. Этой иллюзии способствует ситуация, что Интернет как сеть имеет только консультативный совет и не имеет руководящего органа, а так же то, что это Кибберпространство так огромно, что им невозможно управлять. На самом деле, сейчас активно происходит в той или иной форме объединения крупнейших компаний, деятельность которых связана с информационными технологиями, с новостями и развлечениями. Большинство обычных пользователей Интернет не обращают внимание на эту монополизацию Кибберпространства. События, разворачивающиеся в этом виртуальном мире, скорее всего, приведут к тому, что руководство этой монополией будет принадлежать мужской части населения, потому что эти информационные ресурсы являются стратегическими. Поэтому возникает вопрос: сумеет ли человечество на фоне процессов глобализации сохранить свободное информационное пространство в XXI веке? и какое место в нем смогут занять женщины?

В настоящее время в Интернет вовлечены миллионы человек. Аналитики предсказывают, что в 2000 году пользователей Интернет будет около 200 млн. Сколько же среди них женщин? По данным различных исследований доля женщин среди пользователей Интернет увеличивается и в настоящее время составляет в США — более 40%, в Европе — более 20%, в России — 15%. (Эти цифры приведены в докладе Т.Бокарева «Количественный и качественный состав аудитории Интернет, тенденции развития и их значение для рекламодателя».) Агентство Gallup Media по итогам исследования аудитории Интернет в сентябре 1998 г. приводит очень «оптимистическую» цифру 31,1% женщин среди пользователей Интернет в России. По статистике некоторых Университетских Центров Интернет среди их пользователей 20% женщин. По оценкам РОЦИТ (Региональный Общественный Центр Интернет-Технологий) в России в настоящее время около 1,5 миллионов человек используют Интернет. Если предположить, что из них 20% женщин, то получится 300 тысяч.

Кто же эти женщины?

По материалам исследования, проведенного в 1999 году Ольгой Арестовой, доцентом кафедры общей психологии факультета психологии МГУ им. Ломоносова, в России используют Интернет женщины в возрасте 20–25 лет (25%), 25–30 лет (25%), 40–45 лет (23%). По роду занятия они в основном из сферы науки и образования: почти треть из них — школьницы, студентки, аспирантки (29%); четверть — преподавателей и научных работников (25%); четверть — специалистов по компьютерам и программированию (23%); а также — менеджеры (8%), журналистки и специалисты в области массовой коммуникации (7%) и т.д. до домохозяек (1%). Сами женщины называют следующие причины того,

что их в российском Интернете все еще мало. «Применение Интернет связано с такими областями, где вообще не слишком много женщин». «У женщин слишком много других обязанностей». «По сложившейся традиции женщине не принято заниматься техникой». Такие формулировки явно демонстрируют устойчивость существующих гендерных стереотипов в обществе. Но определяя, какую роль в их жизни играет Интернет, женщины отвечают, что для них это рабочая необходимость, важный источник новых знаний, интересное общение и новые друзья.

И что же на сегодняшний день (27 января 2000 года) в Кибберпространстве на русском языке «для женщин» и «о женщинах»? Поисковая система «Яндекс» на запрос «женщин» предложит посмотреть более 438 тысяч уникальных документов, т.е. Web-страниц. И эти «уникальные документы» содержат главным образом развлекательно-светские материалы, информацию о магазинах, кулинарии, косметике, моде, о службах знакомств, в том числе эротические и порнографические сайты. В августе 1999 года был открыт «Семейный» Яндекс. Делая запрос в этом Яндекс'e, Вы не найдете мата и порнографии, то есть ничего, что не разрешено, полуавтоматический фильтр исключает «взрослые» сайты, а также все страницы, содержащие «нехорошие» слова. Если повторить запрос «женщины» при включенном «семейном» фильтре, то «уникальных документов» найдется менее 253 тысяч, т.е. 42% информации скорее всего предназначены не для женщин. Что же было обнаружено при других запросах? «Семейный фильтр» отбросил от 32 до 37% при запросах «женская сетевая программа», «феминология», «женские организации», «положение женщин». Ситуация с гендерной терминологией еще хуже: «гендерная политика» (-47% страниц), «гендер» (-56% страниц), а результат поиска слова «феминизм» может только удивить, вместо 4153 страниц получилось только — 1688, т.е. -59% страниц. При достаточно нейтральном словосочетании «национальный доклад» сокращение составило около 20%.

За последние 2 года на русском языке в Интернет появились Web-страницы и сайты женских организаций, серьезные публикации и аналитические материалы. Каталог «@Rus» на запрос «женщин» предлагает 225 ресурсов, из них только около 10% можно отнести к нетрадиционным информационным источникам, таким как сайты Open Women Line (<http://www.owl.ru>), Женская информационная сеть (со старым адресом), Сеть «Женщины Востока и Запада» (страница NEWW на русском языке с информацией 1996 г.), Российский феминизм (<http://www.geocities.com/Athens/2533/russ-fem.html>), Гуманитарные исследования в Интернет (<http://www.relarn.ru:8080/human/woman.txt>). Специалисты Яндекс не знают, а может и не замечают, новые сайты, созданные женскими организациями: Женская информационная сеть (<http://www.womnet.ru>), Консорциум женских неправительственных объединений (<http://www.wcons.org.ru>), Московский центр гендерных исследований (МЦГИ) (<http://www.gender.ru>),

Харьковский Центр Гендерных Исследований (<http://www.gender.univer.kharkov.ua>), «Феминистская Лига» (г. Алма-Ата, Казахстан) — Женщины Шелкового пути («Silk Road Woman») (<http://www.women.kz>). Правда, поиск по словам «гендер» и «феминология» в каталоге «@Rus» дает нулевой результат.

С помощью российских поисковых систем информацию о женских организациях и их деятельности может найти только опытный пользователь. Например, в новом каталоге ресурсов Интернет «Желтые страницы России» информация о женских организациях включена в категорию «Прочие организации». В ответ на запрос «женские организации» каталог «@Rus» выдает только 4 записи: Open Women Line, Женская информационная сеть, Cyber-Femin-Club (<http://www.cfc.spb.ru/organizations/cfc/index.htm>), Российский Феминизм, каталог Rambler предложит 2005 (включая костюмы женские, юбки женские, пиджаки женские, пальто женские, утепленные на синтепоне) уникальных страниц, а Яндекс — 2282, но с «семейным фильтром» только 1465 (поиск 27.01.2000).

Российские каталоги и поисковые системы Интернет не имеют среди своих основных разделов (рубрик, категорий) женскую тему. Описание информации «для женщин» и «о женщинах» включены в категории «Семья, дом, досуг» (Каталог «@Rus» и Апорт), «Развлечения» и «СМИ» (Rambler), «Домашний очаг» и «СМИ» (Каталог List.ru и Яндекс) и т.п. В англоязычных каталогах такую информацию можно найти совсем в других разделах, например, в каталоге «Yahoo!» в разделе «Society and Culture», а каталог «Infoseek» имеет специальный раздел «Women». На английском языке существуют электронные путеводители по Интернету для женщин, такие как WWWomen! (<http://www.women.com/>), Beatrice's Web Guide (<http://www.bguide.com/webguide/zines/fabfinds.html>), FeMiNa (<http://www.femina.cybergrrl.com>), Feminist.com (<http://www.feminist.com>), сделано много информационных сайтов, например, AVIVA (<http://www.aviva.org>) — сайт содержит информацию о женском движении по всему миру: мероприятия, ресурсы, группы, курсы и многое другое) и NEWW (<http://www.neww.org>) — сайт

Сети Женщин Востока и Запада (Network of East-West Women) — международный информационный ресурс расширяет возможности женщин на Востоке и Западе — в странах бывшего СССР, в Центральной и Восточной Европе — налаживая связи, информационные сети, осуществляя обмен информацией и обучающие программы. В 1997 г. был издан справочник Shana Penn «the Women's guide to the wired world», содержащий аннотации и адреса 700 лучших ресурсов Интернет для женщин.

До настоящего времени не существовало ни одного русскоязычного тематического каталога, содержащего разделы с информацией о положении женщин в обществе, участии женщин в принятии решений и т.п.

При поддержке Женской Сетевой программы ИОО-Россия «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты» (новое название после перерегистрации ЖИФ «Восток-Запад») осуществил поиск в Интернет по женской теме (по положению женщин, деятельности и достижениям российских и зарубежных женских организаций, стратегии и практике женского движения). В результате создан Каталог «Интернет — женщинам!» в электронном и печатном виде, что предоставит возможность пользователям Интернет найти в лабиринте Киберпространства информацию по положению женщин. В Каталог включены такие разделы, как: женское движение; права женщин; гендерные исследования; женщина и политика; проблемы насилия; СМИ и образ женщины; женщина и здоровье; просвещение и обучение; социальные вопросы; женщина и экономика; женщина и религия; грантодатели, благотворители, фонды; женское творчество, искусство и культура; сексуальность.

Каталог «Интернет — женщинам!» предназначен для информационной поддержки женских организаций и объединений, в нем сконцентрированы материалы, которые полезны в женских и гендерных исследованиях, в просветительских программах, поэтому он будет являться уникальным путеводителем по Интернету для преподавателей, подготавливающих курсы по гендерной проблематике, обучающихся студентов, исследователей, журналистов, экспертов, политических деятелей.

WWWomen!
<http://www.women.com/>
Каталог "WWWomen!" компании "WWWomen, Inc." содержит ссылки на сайты и страницы по женской тематике в Интернет. Основные разделы каталога: "Искусство и развлечения", "Женщины в бизнесе", "Общество и правительство", "Женщины и компьютеры", "Разнообразие среди женщин", "Образование", "Феминизм", "Здоровье и проблемы безопасности", "Лесбиянки", "Матери и семья", "Личное время для женщин", "Публикации", "Женские ресурсы", "Наука и технология", "Женщина идет за покупками", "Женский спорт", "Женщины в истории".
Язык: английский

FeMiNa
<http://www.femina.cybergrrl.com>
FeMiNa — женский каталог страниц и сайтов Интернет по темам: "Искусство и гуманитарные науки", "Бизнес и финансы", "Компьютеры и наука", "Образование", "Развлечения", "Семья и материнство", "Девочки", "Здоровье и благополучие", "СМИ и публикации", "Регионы", "Отдых и развлечения", "Общество и культура". Имеются также ссылки на другие сайты о женщинах и для женщин. Сайт создан компанией Cybergrrl, Inc. (США).
Язык: английский

Beatrice's Web Guide
<http://www.bguide.com/webguide/zines/fabfinds.html>
Путеводитель по Интернету для женщин. Каталог ссылок на сайты, представляющие интерес для женщин: рабочие вакансии и обучение, здоровье и спорт, воспитание детей; краткие биографии женщин, достигших успеха и известности в науке, искусстве, бизнесе.
Язык: английский

Feminist.com
<http://www.feminist.com>
Каталог "Feminist.com" содержит ссылки на сайты, страницы, ресурсы и материалы по женской тематике. Основные разделы Каталога — "Деятельность", "Новости", "Ресурсы и ссылки", "Женщины-бизнесмены", "Вопросы женского здоровья", "Статьи и речи" — содержат материалы по темам: "Всемирные женские ресурсы", "Репродуктивные права и сексуальность", "Женская карьера и профессиональные организации", "Вспомните про леди: раздел женской истории", "Основные ресурсы по проблемам женщин", "Женщины и искусство", "Ресурсы по положению девочек" и др.
Язык: английский

Галина Силласте

профессор, доктор философских наук,
Президент Международной ассоциации «Женщины и развитие»

«БАТАЛЬОНЫ АМАЗОНОК» ПРОГОЛОСОВАЛИ... ЗА МУЖЧИН

За две недели до выборов в Государственную Думу третьего созыва «Независимая газета» опубликовала мою статью «Придут ли на выборы батальоны амазонок?». Пришли. Но, увы, отдали свои голоса не женским избирательным движениям и женским лидерам, а кандидатам от КПРФ, «Единства», «Отечество — Вся Россия», «Союз правых сил», «Блок Жириновского», и «Яблоко». Эти парламентские выборы были последними в XX столетии и по сути подвели итоговую черту исторически длительному этапу борьбы российских женских движений за гендерное равноправие в политике. Не случайно в самом начале нового тысячелетия (19-21 января) в Женеве состоялось европейское региональное совещание Экономической Комиссии ООН по Программе «Пекин+5», посвященное оценке выполнения решений Четвертой Всемирной конференции по положению женщин. В Европейском совещании (куда я была приглашена с докладом в качестве эксперта Экономической комиссии ООН по странам Европы) приняли участие делегации 52 стран мира и представители около 40 крупнейших неправительственных организаций мира, обсудившие достижения стран Европы, Скандинавии и Америки в деле продвижения женщин в политике, экономике и в управлении для достижения гендерной симметрии и гендерного равноправия.

В этом контексте постэлекторальная ситуация, сложившаяся в России после парламентских выборов, приводит к выводу о том, что до истинно демократического государства и гражданского общества нам еще очень далеко, ибо гендерная симметрия в политике (т.е. равноправное и равновеликое представительство мужчин и женщин в органах государственной и законодательной власти и управления) — это признак по настоящему демократического общества. В качестве позитивного примера можно привести Швецию, в парламенте которой женщины составляют 42,7% парламентариев нижней палаты Национального парламента. Меньше — в Германии и Финляндии: 37,4% и 37%. Причем, во всех развитых капиталистических странах Европы от выборов к выборам удельный вес женщин в парламентах увеличивается.

А в России? В России, отвечая словами народной песни «А у наших у ворот все идет наоборот» к концу XX столетия мы пришли с самым низким представительством женщин в законодательных органах власти и управления. В перечне «Женщины в национальных парламентах», составленном ООН на 15 января 2000 года и включающем 55 стран мира, Россия занимает 36 место. Впереди нас и все Прибалтийские государства (17-17,8%), и Азербайджан (12%), и Туркменистан (26%), не говоря уже о обо всех западных странах, среди которых лидируют Скандинавские государства (36-35%).

Почему в России все наоборот? Не претендую на полный и всеобъемлющий анализ, учитывая, что постэлекторальная парламентская ситуация главно перерастает в накал новой, теперь уже президентской электоральной кампании, постараюсь подвести некоторые

гендерные итоги прошедших выборов. В чем проиграли или что завоевали российские избирательницы и женские движения, образно названные известным русским политологом Моисеем Острогорским «батальонами амазонок»?

Каковы первоначальные выводы?

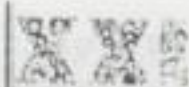
Вывод первый — в российском обществе конца XX столетия протекает процесс устойчивого и осознанного падения доверия общественного мнения электората к женским избирательным движениям и их лидерам.

Аргументы — в 1993 году за движение «Женщины России» проголосовали 4 миллиона 370 тысяч избирателей (или 8,1% всех поданных голосов). Движение получило в Думе 21 место и создало свою женскую парламентскую фракцию — первую в истории российского парламентаризма. Спустя два года, на парламентских выборах — 1995 за то же движение отдали голоса на полмиллиона избирателей меньше. Для прохождения в Государственную думу не хватило почти 0,5% голосов.

На последних выборах произошел раскол между лидерами движения «Женщины России». Вначале они дружно вступили в движение Примакова — Лужкова «Отечество — Вся Россия», чем дезориентировали своих сторонниц. А спустя несколько месяцев, не согласившись с предложенным лидерами движения приоритетом мест в списке кандидатов, часть движения («Женщины России» во главе с Алевтиной Федуловой) вышла из «Отечества» и призвала своих сторонниц объединиться в самостоятельное избирательное движение. Другая часть (под названием «Движение женщин России» во главе с Екатериной Лаховой, стоявшей в списке значительно ближе к приоритетным по списку фигурантам), осталась под патронажем «Отечества» и получила депутатский мандат. ИТОГ — на выборах 1999 года — последних

российских парламентских выборах XX столетия — движение «Женщины России», проведя, прямо скажем, самоотверженную работу на последнем этапе, смогли все таки получить 2,05% голосов. Но, по сравнению с 1993 годом потери составили свыше 3 миллионов избирателей. В результате женской фракции в новой Думе нет. Политические колебания, запоздалая работа с собственным электоратом не прошли даром. Доверие к женским избирательным движениям и их лидерам существенно подорвано.

Вывод второй — прошедшая избирательная кампания высветила и ряд новых позитивных гендерных особенностей. Прежде всего — реальный плюрализм женских избирательных движений, участвовавших в выборах (женских не по составу участников движений, а по полу лидеров, их возглавивших). Если в 1993 году было лишь одно политическое движение «Женщины России», то в 1999 году в конкурентную политическую борьбу вступили четыре объединения под руководством женщин: движение «Женщины России» (Алевтина Федулова), Партия мира и единства (Сажу Умалатова), Российская партия защиты женщин (Татьяна Рощина)

и «За гражданское достоинство» (Элла Памфилова).

Другая гендерная особенность — попытка консолидации электората, независимо от признака пола. В итоге — три из четырех названных объединений (за исключением «Женщин России») не являлись чисто женскими. Они состояли из мужчин (до 20%) и женщин; в своих программных установках ориентированы на защиту социальных интересов разных социальных и гендерных групп населения. Однако образованы и действуют эти движения под руководством женщин-политиков, уже несколько лет находящихся на орбите активной политической жизни России. Тем самым на практике продемонстрирована объективная необходимость гендерной симметрии в электоральной борьбе.

Вывод третий — гендерная особенность последних парламентских выборов XX столетия в России состоит в том, что женские движения (прежде всего «Женщины России») — продемонстрировали свою большую мобилизационную способность и электоральную мобильность в опоре на сохраняющихся сторонников своего движения в регионах. Чему свидетельство — сбор подписей своих сторонников. За очень короткий срок, в разгар уже начавшейся избирательной гонки движение «Женщины России» смогло собрать полмиллиона голосов, необходимых для ведения кампании. Тогда как часть движений во главе с лидером-женщиной пошли более легким путем. Например, Российская партия защиты женщин внесла под залог крупную денежную сумму и без дополнительных орг. усилий, не собирая подписей избирателей, вступила в избирательную кампанию. Нет сомнений в том, что если бы движение «Женщины России» было бы последовательнее в своих электоральных позициях, не искала бы место под чужим «зонтиком», а своевременно самостоятельно вступило бы в избирательную кампанию, то получило бы несколько больше голосов в поддержку своего кандидата.

Вывод четвертый — гендерной особенностью выборов является сокращение в партийных списках так называемых традиционных для переходного периода партий и движений, а также в одномандатных округах числа женщин-кандидатов в депутаты.

В результате в партийном списке «Блока Жириновского» не было ни одной женщины; у КПРФ — из 67 лишь три, у «Яблока» — из 16 две. Среди новых конкурентов — у «Медведя» из 65 две; в «Союзе правых сил» — две из 24 и только у движения «Отечество — Вся Россия» — пять женщин из 36.

Таким образом, шесть партий и объединений, представленных в нынешнем составе Государственной Думы, провели по своим спискам лишь 14 женщин из 225 кандидатов в депутаты. Еще 21 женщина прошла в Думу по одномандатным округам. Иначе говоря, в первой российской Думе XXI столетия лишь 35 женщин из 450 депутатов, или менее 8%. Такого низкого уровня женского представительства в парламенте еще не было ни в «новой» России, ни тем более в СССР. От выборов к выборам происходит последовательное падение доверия российского электората, прежде всего — женского и к политическому движению «Женщины России», и в целом — к женским избирательным движениям и их лидерам. Остающаяся консервативной и патриархальной в своих воззрениях на место женщины в политике, общественное мнение в России, идею гендерного равенства в политическом представительстве во власти и управлении все еще не готова принять.

И не удивительно, что за все партии и движения,

возглавляемые женщинами, принявшими участие в парламентских выборах, отдали свои голоса всего лишь 3,85% российских голосовавших избирателей. Иначе говоря, 2 миллиона 461 тысяча 730 избирателей. Этого слишком мало для того, чтобы пройти в Государственную Думу даже одному избирательному блоку.

Таким образом, горько сознавать, тот факт: в конце XX столетия женские движения в России потерпели тяжелое поражение в борьбе за свое представительство в высшем законодательном органе власти — в Государственной Думе и социальные последствия выборов 1999 года будут долгосрочными и трудными.

Вывод пятый — важной причиной почти предвещенного поражения женских избирательных движений является произошедшее в 1999 году среди женского электората глубочайшее (самое сильное за все годы реформ) политическое размежевание по идейным взглядам, позициям и ориентациям. Это привело к усилению избирательной разобщенности женщин, к их размежеванию, а не к объединению. Вновь подтвердилась старая истина: женский электорат может все... кроме единства. На фоне глубинной социальной дифференциации общества, его социальной и экономической стратификации и обнищания такой итог закономерен. Каждая партия собирала свой электорат из сторонников заявленных политических идей и позиций.

В итоге голоса россиянок распределились между шестью партиями и избирательными движениями, набравшими в общей сложности 81,3% голосов пришедших к урнам избирателей. При этом самый последовательный и преданный в своих политических предпочтениях женский электорат имеется только у КПРФ (26–27%). До выборов 1999 года преданностью своему политическому лидеру Григорию Явлинскому отличался и электорат движения «Яблоко». Впервые с 1993 года это сплочение разрушено. В результате «Яблоко» поддержали в полтора раза меньше избирателей (5,98%), чем показывали социологические прогнозы.

Женские же электораты всех других партий и движений отличаются неустойчивостью поддержки, изменчивостью и спорадическим характером выбора (это так называемые «мерцающие» электораты). Однако надо иметь в виду, что каждая третья избирательница не симпатизирует ни одной из политических сил в России, а почти 12% все еще не определились в своем выборе.

Вывод шестой — Возможность прохождения в Государственную Думу во многом зависит от электоральной активности самих женщин, уровня их абсентеизма. Чем больше женщин не участвуют в выборах, (т.е. занимают абсентеистскую позицию), тем труднее любой партии или движению (особенно женскому) добиваться представительства женщин в парламенте, их продвижения в высшие органы законодательной власти. На выборах 1999 года женский абсентеизм составил до 28–30%, а в ряде регионов еще больше — 32–35%.

Мотивация женского абсентеистского поведения многомерна. Самый распространенный мотив (его придерживаются 29% опрошенных россиянок) — «не верю никому из политических лидеров и не хочу голосовать ни за кого из них», так как «от моего участия и голосования ничего не будет зависеть». Мотив почти 16% опрошенных — «усталость от политики, от борьбы в верхах». Остальные мотивы менее существенны: «от-

Г.Силласте «Батальоны амазонок» проголосовали... за мужчин»

существование пока выбора за кого голосовать» (10,8%); уверенность в том, что «выборы все равно будут нечестными, результаты подтасуют», а «депутаты Думы занимаются только своими личными делами» и вообще «в политике не разбираюсь и ею не интересуюсь» (по 8%).

Безусловно, избирательная гонка — жестокое испытание для женских движений, их лидеров и для всего активного женского электората. В России конца XX начала XXI столетия женщины обладают минимальным опытом самостоятельной политической и конкретно-электоральной борьбы за право равноправного с мужчинами участия в «большой политике» и в «большой власти». Нужны свои тонкие гендерные электоральные технологии, которые во многом будут отличаться от применяемых сегодня грубо-силовых методов мужского сообщества ПИАРовских служб.

Вывод седьмой — важной стороной электорального противостояния является финансовое обеспечение избирательных кампаний и продвижения женщин-кандидатов.

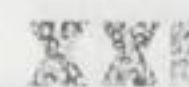
Да, участие в выборах — это не только конкуренция умов и популярности лидеров, но и еще более жесткая — конкуренция кошельков. Да, финансовое обеспечение женщинам и женским организациям находить очень сложно. Однако, уроки избирательной кампании в России 1999 года убедительно показали, что финансовую сторону дела не следует абсолютизировать. Отсутствие высокого доверия избирательниц одним лишь финансированием женских движений или партий не заменить. Приведу данные по финансированию парламентской избирательной кампании декабря 1999 года. Итак, в избирательной кампании участвовало под руководством женских лидеров четыре объединения. На свою выборную кампанию они получили в общей сложности 17 миллионов 670 тысяч рублей. Израсходовано 84% этих средств. И тем не менее — на выборах даже все вместе взятые возглавляемые ими движения получили — 3,85% голосов избирателей.

В отношении женских электоральных голосов деньги сделать ВСЕ не могут. В своих воззрениях и привязанностях женщины очень упрямы и по-хорошему консервативны. Кто бы ни предлагался СМИ, но разочарование, отсутствие веры в силу женских лидеров внесли свою весомую лепту в поражение на парламентских выборах. И какие бы слова не подыскивать вместо тягостного принимаемого женщинами слова «поражение» — будь то неудача, невезение, неполный успех и т.д. факт остается фактом: в третье тысячелетие женский электорат вступил в состоянии отчуждения от прошлых женских лидеров, без движения пользующегося его массовой поддержкой и доверием, без женской политической фракции в Государственной Думе.

Open Women Line (OWL)

<http://www.owl.ru>

Сайт "Open Women Line" (открытая женская линия) разработан общественной организацией "Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты" с целью расширения доступа для женских объединений к новым информационным ресурсам и развитие информационного обмена между женскими организациями, как в России, так и за рубежом. Сайт OWL содержит шесть разделов: "Женские проекты" (Web-страницы женских организаций и проектов, Он-лайн база данных "Женское Звено" на русском и английском языках); "Журнал "Женщина Плюс..." (материалы журнала с 1996 г. на русском и английском языках); "Библио-Центр" (документы по правам женщин, материалы конференций и семинаров, библиографическая он-лайн база данных "Женские права и возможности", каталоги ресурсов Интернет "Инфо-ресурсы Интернет для женщин" и "Женская Повестка Дня", информационная система "Остров сокровищ" о финансировании женских проектов и программ); "Уникальные исследования" (более 50 исследований по положению женщин в обществе); "Вчера-Сегодня-Завтра" (материалы "Вестнички" ИЦ НЖФ с ноября 1996 г., Информационные листки из Мурманска, дайджест газеты Движения Женщины России за 1998 год); "Ассорти" (объявления, статистика, гостевая книга).
Язык: русский, английский

И было несправедливым упрекать в случившемся только самих россиянок. Доверие — фактор субъективный. В данном же случае политическое поражение российских женщин в выборах конца уходящего столетия объективно предопределило само состояние нашего общества. У нас время равноправного участия женщин в «большой политике» и в управлении обществом и государством еще не пришло. Общество для этого пока не созрело. Гендерная симметрия в политике — это всегда признак по настоящему демократического общества, опирающегося на лидеров, выдвигаемых консолидированным большинством. Кроме того, общество призывает женщин во власть, как правило, в спокойном социальном состоянии, состоянии уверенности в завтрашнем дне. Тогда общественное мнение лояльно, с пониманием, поддерживающей к борьбе женщин за равноправное представительство во власти, в государственном управлении на всех уровнях. Сегодня же в России правит сила, деньги и криминал. В такой атмосфере женщины сами психологически склонны поддерживать «сильную руку», волевого лидера и не могут победить в жесточайшей, попирающей все нормы морали и даже права политической конкуренции за голоса избирателей.

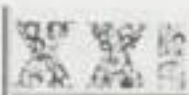
Что же смогли сделать женские организации России за последние пять лет экономических экспериментов? Прежде всего — самое трудное: создать стартовые условия для качественно нового этапа своей консолидации в обеспечении равноправного с мужчинами положения на всех уровнях власти и управления в России третьего тысячелетия. Да, многого не удалось достичь. Но вместе с тем приобретен богатый и поучительный опыт. И я ни в коем случае бы не сказала, что ошибки сделали цель невозможной. А как справедливо утверждал известный норвежский исследователь Фритьоф Нансен: «Трудное — это то, что можно сделать сегодня. Невозможное требует немного больше времени.»

Cyber-Femin-Club

<http://www.cfc.spb.ru/organizations/cfc/index.htm>

Кибер-Фемин-Клуб является частью Петербургского товарищества "Свободная Культура" — некоммерческой общественной организации культуры. Кибер-Фемин-Клуб был создан как общественное объединение женщин, работающих с новыми "медиа". Членами клуба стали философы, художники, литераторы, программисты и общественные активисты. Задача клуба — приобщение женщин к новым информационным технологиям, вовлечение российских женщин в международную женскую телекоммуникационную сеть. Среди разделов сайта: "Интернет-центр для женщин", "Электронный журнал" (проекты и программы), "Женская библиотека", "Женские организации Санкт-Петербурга".
Язык: русский

АННА ЭЛЕОНОРА РУЗВЕЛЬТ ЧАСТО ВСПОМИНАЕТ СВОЮ ЗНАМЕНИТУЮ БАБУШКУ

Анна Элеонора Рузвельт, которую родные и друзья называют Анной, — внучка бывшего президента США Франклина Делано Рузвельта и его супруги Элеоноры Рузвельт, выдающихся во всех отношениях лидеров двадцатого века. Элеонора Рузвельт, супруга президента выросла в конце девятнадцатого века. В то время общество сильно ограничивало женщин в том, что им было дозволено. Из болезненно застенчивой, не подозревающей о своих способностях девочки, Элеонора Рузвельт стала личностью необычайного духовного, интеллектуального и в целом человеческого масштаба, которая была вдохновляющим примером для людей всего мира.

Мне всегда интересно, как складывается жизнь детей и внуков выдающихся личностей. Находят ли последующие поколения собственный путь, продолжая семейные традиции лидерства и служения обществу? Поэтому с таким интересом я недавно говорила по телефону с Анной Элеонорой Рузвельт — внучкой Франклина Делано Рузвельта и Элеоноры Рузвельт. Анна живет в Чикаго, является директором Фонда исследований мозга и вице-президентом Рузвельтского института. У нее две дочери, обеим по двадцать с небольшим лет.

Колект Шульман: Позвольте, я начну наш разговор самым естественным образом — с вопроса о вашей бабушке, Элеоноре Рузвельт. Пересеклись ли ваши судьбы и если да, то как близко вы узнали друг друга — бабушка и внучка? Мне было бы очень приятно услышать ваши воспоминания о ней.

Анна Элеонора: В 1962 году, когда она умерла, мне было 13 лет. Я одна из двадцати пяти ее внуков и внучек, некоторые из них живут на восточном побережье, некоторые в Техасе, а другие, и я в том числе, — на западном побережье. На момент моего рождения в 1948 году бабушка работала в Париже над созданием Всеобщей декларации прав человека. Я всегда усматривала в этом замечательное совпадение — общее для нас с ней, хотя ее не было рядом, когда я родилась. В моей памяти она сохранилась, как спокойная, полная достоинства и душевного тепла женщина; ее присутствие ощущалось сразу же, и я замечала это даже когда была еще совсем маленькой. Вокруг нее всегда было много людей. Летом мы с отцом ездили к ней в гости в Валькилл, в штате Нью-Йорк, а она приезжала к нам в Лос-Анджелес, когда возвращалась из своих поездок. Помню, в детстве я часто наблюдала за ней, как обычно делают маленькие дети — они ведь все время наблюдают — и ее личность оставила глубокий отпечаток в моей душе.

Я помню, как радушно она принимала гостей, особенно в Валькилле. Она возглавляла разговор за обеденным столом так, что никто не оставался в стороне. При этом она не переводила все внимание на себя, а умело направляла беседу, и для каждого разговор был настоящим удовольствием. А разговоры эти были серьезными, не просто «как у вас дела, чем вы сегодня занимались?». Они обычно были посвящены важным темам, часто недостаточным моему детскому разуму, но все равно я не чувствовала себя лишней. Бабушка была очень доброй к детям — доброй без снисходительности, она не опускалась на колени, чтобы поиграть с тобой. Она приглашала тебя в свой мир. Я знаю, что мои старшие двоюродные братья и сестры, когда были подростками, доверяли ей свои секреты, и она очень помогла им в период взросления.

К.Ш.: Напомните мне, почему Валькилл играл особую роль в жизни Элеоноры Рузвельт.

А.Э.Р.: Это был ее собственный дом, построенный на земле Рузвельтов в Гудзонской долине, через до-

рогу и немного в стороне от «Спрингвуда» — дома, где вырос президент Рузвельт и где всем управляла его мать Сара. Рузвельт лично руководил строительством дома Элеоноры, он хотел, чтобы у нее было ее собственное жилище, и ей это нравилось. Этот дом очень скромный и уютный, и со временем его устройство стало все более соответствовать потребностям ее внуков — там был плавательный бассейн и много мест, где можно было бегать и играть. Там все было неформально, как на природе, можно было бегать босиком и не страшно было испачкаться, но в то же время это был дом, где к ужину полагалось помываться и переодеваться. Там также находилось помещение мебельной фабрики, которую опекала моя бабушка с двумя своими друзьями в тяжелые времена Великой депрессии. Фабрика стала домом нескольким прекрасным мастерам, искусство которых тогда оказалось невостребованным. Бабушка стремилась поправить их дела, и им удалось выпустить несколько очень красивых изделий, которые воспроизводили традиционный стиль мебели этой местности. В итоге фабрика так и не стала процветающим предприятием, но зато помогла бабушке определиться с собственным личностным ростом. Она больше узнала об организации, о человеческих характерах, о том, что требуется для успеха предприятия и какое время нужно затратить, чтобы чего-то добиться.

К.Ш.: В книгах о ней, опубликованных в последние десятилетия, встретилось ли вам что-нибудь новое, что расширило бы ваши представления о бабушке?

А.Э.Р.: Нужно признаться, испытываешь странное ощущение, когда чужие люди знают о тебе и твоей семье больше, чем ты сама. Я как-то внутренне сопротивлялась желанию узнать что-то новое таким вот образом. Я надеюсь, это будет понятно, как своего рода естественное чувство, — всегда хочется, чтобы твоя семья была твоей семьей, как бы ни представляли ее в книгах. При этом должна сказать, что мне очень понравилась книга Дорис Кирнс Гудвин. («Непростые времена» — книга о жизни президента Ф.Рузвельта и его семьи в Белом доме во время Второй мировой войны). Я думаю, автор по-настоящему понял президента Рузвельта и Элеонору — как их внутренний мир, так и деятельность во внешнем мире.

Я тоже многое узнала из этой книги — в основном новыми оказались детали, потому что в целом книга подтверждает то, что я всегда чувствовала и что мне рассказывали родители о дедушке и бабушке, а имен-

но, что это были люди, а не боги. Семья Рузвельтов — это не династия, это Америка. Эти двое людей огляделись вокруг и увидели, что они могут сделать, учитывая то, какими людьми они были и какими ресурсами располагали. Они были сложными личностями, которые выросли и жили в сложное время, когда мир вокруг них стремительно изменялся. Они были глубоко преданы друг другу, их отношения были прочными и теплыми, пусть не идеальными, но всегда живыми и динамичными.

К.Ш.: Когда вы закончили школу и начали прокладывать собственный путь, было ли у вас ощущение, что вас вдохновляет пример Элеоноры — или же она была для вас лишь родственницей, пусть знаменитой, но не более, чем родственницей?

А.Э.Р.: Мама много рассказывала нам о бабушке и дедушке, и я могу сказать, что они всегда служили для нас вдохновляющим примером. Поскольку меня называли в честь бабушки, я всегда ощущала какой-то особый ореол, как в положительном, так и в отрицательном смысле. Непросто было думать о ней — выдающейся личности, которая столь много достигла, которой восхищались столько людей, и думать, что в каком-то смысле на мне лежит обязанность быть такой же, как она. Но маме удалось убедить нас в том, что мы, дети, должны стремиться взять от бабушки и дедушки то, о чем они думали и заботились, что устанавливали и ради чего трудились, то есть дело их жизни, а не ореол их личности. Поэтому я всегда участвовала в политической жизни самостоятельно, как гражданка своей страны. Их пример вдохновил меня быть гражданкой своей страны.

К.Ш.: Не могли бы вы рассказать что-нибудь о вашем собственном пути?

А.Э.Р.: После университета и аспирантуры я некоторое время преподавала, а потом взялась за музейное дело — это было моей основной специальностью. Я стала директором Исторического музея штата Кентукки. Затем я переехала в Чикаго и, проработав пару лет музейным консультантом, отправилась на восток, чтобы поддержать избирательную кампанию брата, который выставил свою кандидатуру в Конгресс. Я четыре месяца занималась его избирательной кампанией, и это привело к переменам в моей собственной карьере. Когда я вернулась в Чикаго, я начала работать в Национальном комитете Демократической партии, участвовала в подготовке президентской кампании в штате Иллинойс, а затем возглавила перевыборную кампанию сенатора Пола Саймона, кампанию по выборам мэра Чикаго, а также несколько небольших кампаний.

К тому времени я была в разводе и у меня было двое детей. Дочки просили меня больше времени проводить с ними, и с 1991 по 1996 год я перешла на менее напряженную работу — лоббировала интересы консорциума музеев в Чикаго. Эта работа была идеальным сочетанием всего того, чем я занималась раньше. Когда мои дети выросли и уехали учиться, я в течение трех лет работала консультантом мэра Чикаго, развивая в городской администрации отдел связей с благотворительными общественными организациями. В последний год я возглавляю Фонд исследований мозга.

К.Ш.: Интересно, каким образом вы перешли в эту совершенно иную сферу деятельности.

А.Э.Р.: Я не разбираюсь в науке. Здесь сыграли роль мои организационные навыки и контакты. Мы развиваем этот фонд, чтобы поддержать исследования по нейрологии в Чикагском университете. В процессе работы я знакомлюсь с нейрологией.

К.Ш.: Это увлекательнейшая область науки.

А.Э.Р.: Да, очень увлекательная и одна из самых передовых по уровню знаний и исследовательской работы.

К.Ш.: Одновременно вы также занимаетесь политической деятельностью?

А.Э.Р.: Да, я подхожу к этому очень серьезно. Я не понимаю, как можно быть гражданином, не участвуя в общественной жизни, не выражая свое мнение по важным для общества вопросам. Я только что вернулась со встречи с одним молодым человеком, который хочет организовать дебаты с местными кандидатами, выставляющими свои кандидатуры в Конгресс, и мне было интересно послушать, почему он хочет это сделать и как он видит ту роль, которую может сыграть обыкновенный человек в развитии демократии. В этом-то все дело, именно с этим мы, как страна, испытываем наибольшие трудности. У нас не только люди не приходят голосовать, еще более тревожно то, что они даже не осознают свою роль. Люди не понимают правительство, не понимают, какую роль играют граждане при демократии и даже не видят, почему гражданам отводится такая роль.

К.Ш.: По вашему мнению, это в одинаковой степени касается и мужчин, и женщин?

А.Э.Р.: Да, во всяком случае, так показывает мой неформальный опрос — я не знаю, что показывают официальные опросы. Для меня существует большой контраст между тем, как обстоит дела сейчас, и теми вопросами и комментариями, которые я получаю от людей, помнящих, как было во времена президента Рузвельта. Они рассказывают о том, каким он был президентом, какие программы поддерживал и другие факты политической истории. Сейчас нет такого политического сознания. Если бы вы спросили кого-нибудь, например, о том, что происходило в 80-е годы, люди этого уже почти не помнят. Мне этот контраст представляется огромным.

Главное, что завещали мои дедушка и бабушка будущим поколениям, — это приверженность демократии. Бабушка посвятила этому свою работу в ООН — она хотела, чтобы ООН стала инструментом поддержания демократии и содействия тому, чтобы люди, посредством прав человека, поднялись на новый уровень и стали активными в государстве и обществе. Дедушка искренне верил, что именно в демократии спасение мира. Я думаю, что сейчас мы очень далеко отошли от такого понимания, и меня это тревожит.

К.Ш.: Мы с мужем написали новогоднее обращение к друзьям, и муж в своей части говорит о распространении насилия в двадцатом столетии, а завершает на более оптимистической ноте — что во всем мире растет поддержка прав человека. Мы хотим верить, что именно это и происходит. Это должно произойти, несмотря на тревожные тенденции, о которых вы только что сказали — ведь чтобы не терять надежду, нужно все время обращать внимание на добрые знаки.

А.Э.Р.: Да, я надеюсь, что ООН по-прежнему будет энергично защищать права человека, и я думаю, что НПО (неправительственные организации), которые возникают повсюду, а также растущий интерес молодежи к правам человека, — это очень добрые знаки.

К.Ш.: Я не заметила, чтобы в своей работе по организации политических кампаний вы специально выбирали женщин-кандидатов. Приходилось ли вам работать с некоторыми из них?

А.Э.Р.: Да, я работала в Иллинойсе с женской организацией, которая называется «Женские голоса». Они своими действиями и выступлениями стремились выявлять препятствия, которые мешают женщинам выставлять свои кандидатуры на выборах, и помочь устранить эти препятствия. Ясно, что условия игры для женщин и мужчин неравны. У нас все больше высокопрофессиональных, полных энтузиазма женщин, готовящихся выйти на политическую арену. Но от женщин это по-прежнему требует огромного напряжения сил, потому что у нас нет социальной модели партнерства женщин и мужчин. В сегодняшнем политичес-

ком климате, чтобы выставить свою кандидатуру, нужно быть исключительной личностью с огромной силой характера, какими бы ни были ваши политические убеждения. Выборы вторгаются в вашу частную жизнь и очень дорого обходятся в финансовом отношении. В нашей партии мы поддерживаем несколько сильных кандидатов: они прошли испытание жизнью, и те, что остались в наших рядах, очень для нас ценны. Наши женщины в Сенате и Палате представителей — первоклассные политики, которыми мы гордимся. На уровне штата число женщин-кандидатов также растет и их состав становится все более разнообразным.

К.Ш.: Вы когда-нибудь думали о том, чтобы выставить свою кандидатуру?

А.Э.Р.: Конечно же, я много думала об этом и, конечно же, многие люди думали об этом за меня. То, что я говорила о стоящих перед женщиной препятствиях — финансовые затраты и отказ от личной жизни — во многом касается и меня. Политическая жизнь — это всегда борьба. Чтобы добиться успеха, нужна эмоциональная поддержка близких, а также реальные сторонники, которые организуют твою кампанию, и здесь возникает большая потребность в финансах.

К.Ш.: То есть вы не исключаете полностью такую возможность.

А.Э.Р.: Может быть позднее, когда мне не нужно будет оплачивать обучение моей дочери в колледже права.

К.Ш.: Что, по-вашему, требуется, чтобы и дальше развивать тот необычайный прогресс, который был достигнут женщинами в двадцатом столетии?

А.Э.Р.: Потребуется взаимная поддержка — объединение наших талантов и способностей, стремление к альтруизму и к снижению конкурентной борьбы между собой. Женщины должны поддерживать женщин. При этом от наших усилий по обеспечению поддержки и просвещения во имя уважения, справедливости, равного обращения и равных возможностей выиграют все. Женщины не продвинутся на позиции лидерства, если мужчины не научатся видеть себя в разнообразных ролях. И женщины должны сыграть важную роль в том, чтобы мужчины научились этому.

К.Ш.: Вчера я читала последний в этом столетии выпуск журнала «Ms.», и я полностью согласна с редактором журнала Маршей Гиллеспай, которая, глядя в будущее, пишет:

«Мы доказали, что женщины могут делать все то же, что и мужчины, а мужчины начинают понимать, что «женская работа» не носит специфически гендерного характера. Но процесс преобразования требует чего-то более глубокого, чем смена ролей. Для тех, кто стремится сохранить статус кво, представляет угрозу не то, что женщины берут себе мужские роли, а то, что люди ставят под сомнение существование самой системы». Что вы думаете об этом?

А.Э.Р.: Да, я думаю, что это верно. Мы говорим о чем-то взаимном, о процессе расширения и развития, а не о простой смене ролей. Мы говорим об открытости. Я настроена оптимистично. У меня две чудесные дочери, им 21 и 24 года. Одна готовится поступить в колледж права, другая скоро заканчивает университет.

К.Ш.: Каково, по вашим наблюдениям, молодое поколение женщин?

А.Э.Р.: Молодежь, которую я вижу, производит на меня сильное впечатление. Они вовсе не эгоистичные, эгоцентричные и пугающие своей непредсказуемостью люди, какими их представляют многие. Меня поражает их альтруизм, идеализм, интерес к важным делам и большим идеям, и, прежде всего, отсутствие у них привязанности к материальному комфорту. У них намного меньше стремления во что бы то ни стало добиться определенного статуса.

К.Ш.: В отношении ваших дочерей это результат вашего влияния как матери и духовного наследия, которое оставила ваша бабушка. Но как вы соотносите это с тенденцией политической пассивности, о которой вы говорили?

А.Э.Р.: Я бы возложила вину за это на мое поколение, которое не позаботилось о том, чтобы служить примером и учить — нас увлекли другие цели. В нас слишком много индивидуализма, интереса к собственной карьере и слишком мало солидарности с окружающими нас людьми. Я учила этому моих девочек, я подошла к этому серьезно, потому что это часть моей личности. Но если бы я оставила все на откуп школе, их развитие не состоялось бы, они не усвоили бы дух участия в жизни общества. Я думаю, нам нужно смотреть на мир в целом, на то, как в людях пробуждается понимание того, что именно им, людям, принадлежит власть. Если они пожелают воспользоваться этой властью ради общей цели, это будет сильнее, чем правление любого тирана. Если мы, американцы, посмотрим на мир и признаем смелость и самоотверженность людей в других странах мира, тогда, возможно, мы оглянемся на самих себя и зададимся вопросом: а как мы сами поступаем с этой властью в нашей великой и огромной стране? Не произошло ли за последние годы так, что мы позволили этой власти выскользнуть из наших рук?

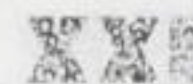
К.Ш.: Несколько раз вы говорили о том, что нужно быть гражданином своей страны и в полной мере использовать свои таланты. В заключение я попрошу вас сказать несколько слов об этом — насколько я понимаю, этот вопрос очень важен для вас.

А.Э.Р.: Я смотрю на жизнь своей бабушки, которая начала свой путь в условиях многочисленных ограничений — в детстве ей не позволяли делать то одно, то другое. В процессе ее духовного пробуждения, в результате которого она стала такой, какой ее запомнил мир, ей вначале нужно было понять, в чем состоят ее способности, в чем ее сила, а затем оглядеться вокруг и спросить себя, что нужно сделать и как можно применить на практике свои способности. Она нашла способ добиться реальных результатов. Например, она ненавидела светскую жизнь, но со временем научилась использовать официальные приемы для разговоров с людьми — она прекрасно умела говорить. Она использовала свое окружение для того, чтобы добиваться реальных результатов.

К.Ш.: И вы в своей жизни тоже стараетесь так поступать.

А.Э.Р.: Всем нужно к этому стремиться. Даже если вы не относитесь к людям застенчивым или угнетенным, все равно нужно начать с понимания себя, своей личности, а затем подумать, как вы можете применить свои сильные стороны ради общего блага.

Перевод Ирины Савельевой

ТЕХНОЛОГИЯ ДЛЯ — И — ПРОТИВ ЖЕНЩИНЫ

Несколько лет тому назад, в газете «Атом-пресса», мне попался на глаза опрос высокопоставленных чиновников и руководителей крупных предприятий Министерства по атомной энергии России. Женская секция Российского Ядерного Общества, накануне Международного женского дня 8 марта, предлагала своим «атомным» мужчинам ответить на два вопроса: Какую роль будут играть женщины в технике XXI века? Какие меры нужно предпринять, чтобы на российских АЭС появились женщины-операторы?

Представители сильного пола, не сговариваясь, пропели дифирамбы в адрес прекрасной половины человечества и заверили, что приложат все усилия, чтобы женщины-операторы в самое ближайшее время появились-таки за пультами управления наших атомных станций. По крайней мере, причин для дискриминации в этой области, по мнению минометовского начальства, уже нет. Аминь.

Увы, ситуация существенно более неоднозначная, чем представляется. Кратко формулируя ее, я бы сказал, что она не изменится и в XXI веке — женщины, как и сегодня, будут играть сугубо подчиненную роль в технике любого века.

Однако очевидно также, что женщины в силу своих психологических, физиологических и биологических особенностей являются идеально совместимым элементом в некоторых системах «человек-машина». Под воздействием этого фактора будет создаваться все больше и больше подобных систем в расчете на работу машины (машины в широком смысле этого слова) в паре именно с женщиной. (И это, между прочим, станет новой областью борьбы за эмансипацию в XXI веке.)

Процесс симбиотического слияния женщины и машины создает иллюзию все более активного и сознательного участия первых в развитии техники и высоких технологий XXI века. Так, например, некоторые ученые полагают, что изобретение стартера, позволившее женщинам самостоятельно заводить автомобиль, привело к тому, что женщины занялись бизнесом, а это в свою очередь открыло дорогу эмансипации. И все это произошло в исторически кратчайшие сроки, ведь еще в 1870 году в Англии самой крупной по численности профессиональной группой была домашняя прислуга, большую часть которой составляли женщины.

Вот еще некоторые примеры этого Великого Слияния *famine et machina*, почерпнутые мною из книги Даниела Белла «Грядущее постиндустриальное общество».

В 1950 г. в США типичной для 70% рабочей силы была следующая картина: работающий муж, дома — жена и двое детей. Сегодня это справедливо лишь в отношении 15% семей. Более половины замужних женщин работают вне дома. В 1960 году 80% всех работников материального производства составляли мужчины, а 20 — женщины; напротив, в сфере услуг

было занято только 54% мужчин и 46% женщин. 27% всех работающих женщин были заняты в материальном производстве, тогда как 75% — в сфере услуг. И это очень показательная тенденция, считает Белл: «Рассматривая деятельность клерков, торговых работников, учителей, врачей и медсестер, а также другие подобные им профессии, нельзя не отметить тот факт, что экономика услуг в значительной мере замыкается на женщинах».

Современная «экономика услуг» — это, прежде всего, компьютерная экономика. Некоторые ученые и философы уже сегодня считают: экран монитора стал частью физиологической структуры мозга современного цивилизованного человека. Сознание, таким образом, всего лишь «эхо электромагнитных процессов в трубке телевизора». А, так как, говоря обо все более массированном проникновении женщин в технические системы (*famine et machina*), имеют в виду, прежде всего, женщину-оператора (ЭВМ, автоматизированной системы управления, кассового аппарата и проч.), то дальнейшую перспективу для женщины, на мой взгляд, легко представить.

Техника и технологии закалили мужчин. Теперь системы «человек-машина» (читай: «мужчина-машина», «man-machine»), в целях повышения эффективности своего функционирования, закабалют женщин. Слабый пол самым бестрепетным образом используется для повышения производительности общественного труда. В этом и состоит суть процесса привлечения женщин к управлению сложной техникой, который многие склонны считать одним из важных достижений эмансипации. Сопротивление бесполезно.

Вообще это только кажется, что человек по своему усмотрению может управлять эволюцией развития техники. Не столько человек «управляет» динамикой развития машин, сколько созданная человеком машина управляет им самим. Для человека легче создать технологию любой мыслимой степени сложности, чем выйти из нее по собственному желанию. Просто, женщин исторически позднее захватил процесс порабощения техникой, чем мужчин. В XXI веке они усиленными темпами будут наверстывать упущенное. Логично предположить, что двадцать первое столетие станет временем, когда в пару к уже существующим «рабам лампы» добавятся и рабыни.

Вот еще пара невдуманных картинок на эту тему из области применения изоцирков компьютерных технологий визуально-интуитивного извлечения полезной информации.

Замечено было, что в Германии по пятницам резко возрастает потребление пива. Ну, Германия это не та страна, где подобный всплеск можно было бы объяснить концом рабочей недели, — там пиво пьют всегда и постоянно. Стали выяснять с помощью этих самых «визуально-интуитивных...». Оказалось, что рост потребления пенного напитка идет за счет... молодых отцов семейств, которые по пятницам ходят в универмаги закупать на всю будущую неделю детское питание для своих чад. Вывод был сделан немедленно: отделы продаж детского питания стали располагать рядом с пивными барами прямо в универмагах.

Точно так же было обнаружено, что мужские галстуки следует продавать вместе с женским бельем. Все очень просто. Как выяснилось, 60% галстуков покупаются женщинами, которые за 10 минут до этого покупали себе нижнее белье.

«Человек сейчас не пользуется технологиями, а живет ими». Это замечание итальянского кинорежиссера Годфри Реджио, будь оно произнесено еще десятка два лет назад, можно было бы отнести на счет свойственной людям творческих профессий склонности к преувеличениям. Так что на риторический вопрос «Появятся ли на российский АЭС женщины-операторы?» ответ один, — несомненно, появятся. Чисто термодинамически это неизбежно. Вопрос — когда появятся? Но это уже — кинетика. То есть, в контексте нашего разговора, — конкретная политика, экономика, образование и культура.

Любопытно, что и культурная традиция уже давно укоренила женщину в самое основание техники и технологии. Даже семантика ключевых символов уходящего века вся — женского рода: атомная бомба, ЭВМ, АЭС... И над всем этим монструозным технологическим величием двадцатого столетия раздается нежное бление первого клонированного млекопитающего — черномордой шотландской овечки Долли. Хеллоу!

Забыл Интернет. Фонетика и орфография требуют от русскоязычного человека относиться к Интернету (пистолет, кабинет...) как к явлению мужского рода. В то же время, смысл словосочетания Inter и Net в английском языке, по-русски — «Всеобщая Сеть». Сеть в нашем языке, безусловно, относится к женскому роду. Значит Интернет — иностранное слово женского рода.

И все-таки, повторяю, техника и технология будущей глобальной деревни — удел мужчин. Женщинам Всеобщая Сеть несет сугубо подчиненное положение. Первые признаки этого уже налицо.

Распространение виртуального секса — один из их числа. Когда Клаудио Шифер спросили, чего она боится больше всего на свете, супермодель (sic!) ответила: «Попасть в библиотеку виртуального секса». Действительно, достаточно отснять около 2,5 часов видео материалов, оцифровать их, вогнать в библиотеку — и любая женщина может стать объектом притязаний поклонников виртуального секса. А таковых, по всей видимости, найдется достаточно. Так, опрос 18 тыс. американцев — пользователей Интернета в 1998 г. показал, что 6% из них — безусловные аддикты (люди, испытывающие непреодолимое, болезненное влечение в Сеть). 31% опрошенных признались что нашли в он-лайне сексуального партнера, с которым осуществили связь и в реальности. 40% интернет-аддиктов и 12% не-аддиктивных пользователей признались, что во время он-лайна занимаются онанизмом (в прямом, а не переносном смысле).

Женщины, впрочем, платят той же монетой мужчинам, и, что показательно, опять же с использованием высоких технологий. (Что и создает иллюзию равных возможностей независимо от пола.)

Анонимность, свойственная Сети как глобальной коммуникационной среде, позволяет женщинам экспериментировать со своим образом и поло-ролевыми функциями. Вот, например, одно из открытий доведенной до интернет-состояния женщины.

«Играя роль мужчины, я могла свободно выражать агрессию и проявлять жажду власти. Я не считала возможным выразить эти стороны моей личности, когда меня воспринимали как женщину. Я возвращалась к этому мужскому образу, когда чувствовала себя обиженной, задетой или уязвленной. Более интеллектуальный образ мужчины помогал мне дистанцироваться, обрести объективность и ясность».

«ВТОРОЙ ПОЛ» И ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

Одно из знаменательных событий последнего времени — празднование пятидесятилетия со дня выхода в свет одной из самых известных книг современности — работы французского философа-экзистенциалиста и писательницы Симоны де Бовуар «Второй пол». С 19 по 23 января 1999 года в Париже состоялся международный colloquium «Пятидесятилетие Второго пола», который проходил под эгидой ЮНЕСКО и министерства культуры Франции. В его работе приняли участие известные государственные деятели, видные представители гуманитарной науки, общественности и средств массовой информации, активистки женского движения со всех уголков мира.

Откуда такой интерес? Знаменитая книга Симоны де Бовуар почитается не одним поколением женщин как новая Библия. Они ищут и находят в ней ответы на свои самые сокровенные вопросы. В России эта книга вышла в начале 1998 года. О том, насколько она необходима сегодняшнему российскому читателю, автор предисловия к русскому изданию книги делится с вами.

Первое обстоятельство, на которое я хотела бы обратить ваше внимание, заключается в том, что книга «Второй пол» появилась в России в феврале 1998 года, почти 50 лет спустя после ее выхода в свет. Этот факт достаточно парадоксальный. Ведь в тот момент, когда Симона де Бовуар работала над книгой, Россия считалась страной, где не существует дискриминации по признаку пола, где женщины уравни в правах с мужчинами. Больше того, идеи свободы и равенства советских женщин были включены в широко распространенный миф о построенном в нашей стране «социалистическом рае» — включены в качестве его эмоционально усиленной компоненты. И отчасти разделялись в ту пору Симоной де Бовуар. Но только отчасти. Когда она писала о положении советских женщин, она ничего не утверждала наверняка, ссылаясь на недостаток имевшихся у нее данных. Насторожило ли ее то обстоятельство, что ее книгу не перевели на русский сразу после ее появления в печати? Не знаю. Я нигде не встретила ответа на этот вопрос. Может быть, да. В любом случае, тот факт, что в течение сорока лет «Второй пол» входил в список запрещенных для советского читателя книг, со своей стороны развешивает миф о равноправии женщин и мужчин в социалистическом обществе и свидетельствует о его патриархальной подоснове.

Идея перевода «Второго пола» на русский язык возникла на волне демократизации российского общества. В 1989 году крупнейшее в ту пору издательство «Прогресс» заключило контракт с группой переводчиков и со мной — в качестве автора предисловия и титульного редактора русской версии. Много раз возникало ощущение, что книга не выйдет никогда. И тем не менее она вышла. Вышла достаточно солидным по нашим меркам тиражом в 5 000 экземпляров. Несмотря на то, что книгу нельзя отнести к числу недорогих изданий, за год этот тираж практически разошелся. Встреча Симоны де Бовуар с ее русским читателем состоялась. И состоялась успешно. По многим причинам.

Я выделила бы четыре среди них. Первую я бы определила как востребованность в сегодняшней России идей экзистенциализма в той его версии, которую сформулировали Жан-Поль Сартр и Симона де Бовуар. Правда, это — востребованность не слишком характерная для широких масс российских граждан, которые скорее склонны сменить былую социалистическую веру либо на христианскую ортодоксию, либо даже на одно из эзотерических учений. И тем не менее, на мой взгляд, вариант атеистического экзистенциализма близок определенному типу русских людей, исповедую-

щих демократические убеждения, — будь то мужчины или женщины. Это, прежде всего, тип активной личности, не готовый покорно мириться с ситуацией «выживания», на которую их обрекает нынешнее кризисное время. Такого типа индивид уже избавился от столь характерных для прежнего советского человека социально-психологических комплексов «иждивенчества» и «социального бессилия» и хочет сам распоряжаться своей судьбой. Он с жадностью ловит слова о том, что только сам человек способен наполнить содержанием свою жизнь. Что только человек и его существование — это единственная подлинность бытия. Что и в человеческой природе, и в человеческом существовании нет ничего заведомо заданного, предопределенного — нет никакой «сущности». Что «существование предшествует сущности».

Для таких «активных» людей ценны тезисы о том, что сущность человека складывается из его поступков. Что она — результат его способности к реализации своего проекта — им же самим предостановленных целей и средств, к «трансценденции» — конструированию целей и смыслов. Таких людей в России пока не много. Но они есть. О них мало известно. Средства массовой информации с большим удовольствием пишут о негативных сторонах российской жизни, чем о сторонах позитивных, о проходивших и преступниках, чем о людях, утверждающих в нашей жизни демократические ценности и нормы, занимающихся, в частности, построением гражданского общества. Чтобы показать, что последнее — не очередной миф, приведу конкретные данные. На сегодня в России насчитывается более 60 тысяч разного рода неправительственных организаций, около четверти из них — женские организации. Осмелюсь утверждать, что здесь прописан самый жадный читатель Симоны де Бовуар. А также Сартра, Камю, книги которых расходятся, начиная с середины 80-х годов, массовыми тиражами.

Вторая причина актуальности идей Симоны де Бовуар — нежелание русских женщин мириться с уделом «второго пола», на который сегодня их стремится обречь консервативное общественное мнение. В последние годы оно все сильнее склоняется к идее о «естественном назначении» каждого из полов. Реанимация этой идеи вызвана сложными разноречивыми процессами. В первую очередь, перестройкой всей системы гендерных отношений.

Очень схематично эту перестройку можно определить как переход от былой советской системы скрытой дискриминации женщин, которая предусматривала для них определенный комплекс льготных мер и привилегий по «защите материнства и детства», к системе совершенно иного типа.

В этом случае чрезвычайную важность приобретает вся совокупность идей, заложенных в книге «Второй пол». Это — источник аргументов для женского сопротивления наступлению консервативных, традиционных сил. Особой популярностью у нынешних российских феминисток пользуется постулат «Женщиной не рождаются, женщиной становятся». С его помощью в общественных дискуссиях активистки растущего женского движения стремятся рассеять любые сомнения о том, что в женщине заложены те же потенции, те же способности к проявлению свободы воли и к саморазвитию, что и в мужчине. Их подавление под предлогом реализации «естественного назначения» калечит женщину, не позволяет ей состояться в качестве полноценного человека.

Символическое значение для российских женщин имеют те страницы книги, где Симона де Бовуар говорит о том, что добившись своего признания перед лицом

Гуманитарные исследования в Интернет <http://www.relearn.ru:8080/human/woman.txt>

Арестова О.Н., Войскуцкий А.Е. (МГУ) в статье "Исследование половых различий при работе с Интернетом на примере российских пользователей" анализируют проблемы половых различий при взаимодействии с информационными технологиями, отмечают заметные различия в мотивации женщин и мужчин-пользователей Интернет. У женщин более важное место занимают мотивы творческой самореализации, отдыха и коммуникативные мотивы, т.е. мотивы, прямо не связанные с деловой профессиональной сферой использования Интернет. Можно предположить, что работа женщин в Интернет имеет довольно сильный компенсационный аспект. Она восполняет недостаток творческого высококультурного общения, ощущаемого в обыденной жизни. (Сайт Ассоциации научных и учебных организаций — пользователей компьютерных сетей передачи данных РЕЛАРН/ Гуманитарные исследования в Интернете) — 38 Кб. Язык: русский

Российский феминизм: ресурсы <http://www.geocities.com/Athens/2533/ru/ssfem.html>

Российский феминизм: ресурсы — путеводитель по сетевым ресурсам о русских и российских женщинах. Составитель — Елена Леонова (Мельбурн, Австралия). На сайте — тематическая подборка ссылок на страницы и сайты Интернет для женщин России, Ближнего Зарубежья и Восточной Европы по разделам: "Английские ссылки" (темы: "Культура", "Наука", "Женские движения", "Жизнь/работа", "Здоровье", "Политика", "Разное"); "Русские ссылки" (темы: "Культура", "Наука", "Женские движения", "Жизнь"); "Всемирные ресурсы на русском языке" (темы: "Личные странички", "Организации", "Конференции", "Лесбиянки", "Женщины в других странах СНГ и Ближнего Зарубежья", "Антифеминистские взгляды"); "Гостевая книга"; "Библиографии и книги".

Консорциум женских неправительственных объединений <http://www.wcons.org.ru>

Консорциум женских неправительственных объединений — некоммерческое партнерство, зарегистрированное в апреле 1996 года. Консорциум — коалиция более 99 женских организаций из 37 регионов России; одновременно является членом международной сети Женского Консорциума СНГ — США. Основные цели Консорциума: способствовать реализации конституционного принципа равных прав, свобод и равных возможностей женщин и мужчин; повышать роль женских неправительственных организаций в строительстве гражданского общества; добиваться продвижения высокопрофессиональных специалистов на уровень принятия решений. Разделы сервера: "Карта сервера", "О Консорциуме", "Члены Консорциума", "Гендерная экспертиза" (материалы: "Гендерный анализ списков кандидатов в депутаты Государственной Думы, представленных для участия в парламентских выборах 1999 г."; "Женщины и реформирование Трудового кодекса"; "Тенденции развития законодательства о труде"; "Что должно быть в новом Трудовом кодексе?"), "Обозрения СМИ", "Публикации", "Программы" (новости о программах по финансовой поддержке гражданских инициатив содержит новости о программах по финансовой поддержке гражданских инициатив), "Комиссии", "Новости" (новости в мире женского движения: конференции, семинары, гранты, прочее), "Ссылки", "Он-лайн форум". Язык: русский, английский

закона, представительницы «второго пола» не избавились от участи дискриминируемого меньшинства, которое старательно относят к категории социальных инвалидов, престарелых. Обозначив перспективу «подлинного существования», она сумела ярко показать «не-подлинность» обычных женских будней — этой повседневной кабалы, угнетающей женщин в наши дни ничуть не менее, чем в прошлом. Эти страницы как бы списаны с прошлой и нынешней российской действительности, отягощенной для женщин двойной, а то и тройной занятостью. Многие из нас работают одновременно в двух-трех местах из-за очень низкой заработной платы и ее периодической задержки, и при этом несут на своих плечах груз домашних забот. В большинстве российских семей домашний труд все еще остается уделом женщин. И это — труд тяжелый.

Третья причина актуальности идей Симоны де Бовуар — поиск идейных опор российским женским движением. И здесь самое важное для него — преодоление влияния марксистского подхода к проблеме освобождения женщин в том его варианте, который определял содержание советской государственной политики в области равноправия. Остановлюсь на этом чуть подробнее.

Как известно, в марксистской парадигме задача освобождения женщин напрямую увязывается с задачей освобождения пролетариата. Марксизм рассматривает отношения между полами как своего рода «производственные отношения» — отношения воспроизводства человеческого рода, которые являются одновременно и природными, и социальными. А также — как отношения социального неравенства, вытекающие из такого разделения труда, при котором женщина, жена и дети являются собственностью мужчины, мужа. Последний в таком случае выступает в роли держателя капитала, первые — в роли пролетариев. Отсюда — призыв к «женским массам» включиться в коллективную борьбу за «дело пролетариата».

Такая концепция освобождения женщины была адекватна своему времени, его явлениям и нормам. Эмансипация — тема личностная, связанная с признанием прав человека, рассматривалась в марксизме преимущественно сквозь призму социально-экономических явлений.

В советский период идеологи равноправия между полами подвергли идеи классиков марксизма дальнейшему упрощению, в ходе которого тема личностного становления женщины оказалась полностью вытесненной темой коллективной борьбы женских масс за построение нового социалистического государства и его экономики. Знаменитая Александра Коллонтай формулировала, например, идею достижения равноправия между полами в понятиях «уравнивания женщины в качестве «трудовой силы» с трудовой силой мужчины» при строительстве нового «народного хозяйства».

Вместе с исчезновением понятия «женская личность» из идеологических схем советских теоретиков исчезла и проблема становления женщины в качестве субъекта истории. Ведь «женские массы», отстаивающие дело пролетариата, решают задачи освобождения пролетариата, а не задачи освобождения женщин. Или, возможно, какие-то иные задачи, но уже как силы, превращенные в объект чужой манипуляции, движимые не собственной, а чужой волей.

В книге «Второй пол» Симона де Бовуар, не вступая в прямую полемику с марксистской трактовкой «женского вопроса», подвергает сомнению этот подход. Она переносит акцент на проблему личностного становления женщины в качестве полноценного субъекта. То есть восстанавливает тему эмансипации в ее истинном значении. В центре ее внимания — не «женские массы» и их «коллективная борьба», а женская личность и ее «ситуация» в истории, заданная физиологией и анатомией, психологией и социальными нормами и правилами.

Такой угол зрения позволяет иначе формулировать задачи преодоления пресловутого «женского удела» и обретения женщинами всей полноты прав человека.

Это чрезвычайно важно для сегодняшнего женского движения России, которое стремится преодолеть логику патриархального отношения к женщине как объекту чужой манипуляции и рассматривает себя в первую очередь как движение правозащитное.

Будет справедливо сказать, что это — основная проблема для него. Проблема трудная. Особенно в нынешней ситуации наступления традиционалистских сил, которые противопоставляют идеям демократии, равенства всех граждан перед законом некие «исконные» ценности и нормы русского народа. И в этом случае идеи Симоны де Бовуар можно рассматривать как своего рода оплот правозащитников.

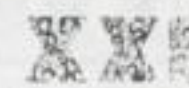
Наконец, последняя, четвертая причина актуальности в России книги «Второй пол». Едва ли не главный барьер, который следует преодолеть для обретения русскими женщинами всей «полноты человеческого существования», стереотипное и чрезвычайно прочно укорененное отношение к женщине только как к матери, силе детородной, которое было типично как для дореволюционного, так и для советского периода нашей истории, когда к тому же возникло понятие «социальное материнство». Даже значительная часть активисток женского движения разделяет этот взгляд на назначение женщины в обществе. Отсюда — лозунги женских политических организаций, призывающих не защищать права, а «улучшать положение» женщин. Или утверждения многих женщин-депутатов парламента о том, что они пришли в мир политики для того, чтобы поддержать мужчин, чтобы быть там «не вместо них», а «вместе с ними», что материнский опыт поможет оздоровлению политических нравов и т.д.

Не случайно, в российском женском движении до сих пор плохо отрефлексирована и проблематика присвоения женщиной своего тела, сознательного материнства. Это может удивлять. Ведь Россия одной из первых признала право женщины на аборт. Но такое признание происходило в очень противоречивой форме. И в этом случае государственная политика была нацелена скорее не на освобождение женщины, а на регулирование рождаемости в зависимости от нужд самого государства. Показательно, что гормональная контрацепция, более личностная и независимая, вплоть до последнего времени не была распространена в нашей стране. И сегодня ею пользуются только 12% горожанок. Аборт, повторю, позволял государству манипулировать телом и жизнью женщин. А условия, в которых он проходил, были еще и карой, наказанием за «грех плоти». Словом, признание аборта не столько раскрепощало, сколько калечило женщин. И вовсе не сопровождалось осознанием того обстоятельства, что присвоение тела является для женщины обязательным моментом для реализации ее главной экзистенциальной задачи — «присвоения жизни».

И в этом плане книга Симоны де Бовуар оказывается в самом центре идейных и политических страстей, в том числе — борьбы за запрещение аборта, которую совместными усилиями активно ведут в России представители международных организаций типа «Профлайф».

Россия находится сегодня на историческом переломе. Она в очередной раз пытается встать вровень со своим веком, решить до сих пор нерешенные задачи модернизации. Как правило, в таких ситуациях общество на какой-то момент оказывается в состоянии культурной и ценностной неопределенности, размытости перспектив социального развития, до той поры, пока тем или иным образом не завершится противостояние традиционалистских и модернистских сил. Такие времена тяжело переживаются рядовыми гражданами, но в них есть одно преимущество — многое зависит от воли, от выбора самих граждан. Их выбор, в свою очередь, складывается из того житейского и идейного материала, который оказывается у них под рукой.

В этом плане я считаю появление книги «Второй пол» в России событием огромной важности.

Информация

О ЖЕНСКОЙ СЕТЕВОЙ ПРОГРАММЕ
ИНСТИТУТА «ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО» — РОССИЯ 2000 год

Работа программы в 2000 году базируется на наиболее перспективных инициативах российских женских организаций¹, с которыми ЖСП ИОО — Россия работала с 1998–1999 гг. и которые направлены на наиболее критические и важные вопросы гендерных отношений в России переходного периода на рубеже следующего века и наступающего тысячелетия. Женская Сетевая программа как одна из новых программ фонда, однако, уже провела порядка 20-ти курсов, получила и рассмотрела более 500 аппликационных форм (заявок) из 60-ти регионов России. ЖСП ИОО — Россия оказала поддержку 180 проектам как из средств бюджета ЖСП ИОО, так и посредством рекомендации проектов для финансирования другими программами ИОО и партнерскими фондами на общую сумму около 1.000.000 долларов США.

Состояние дел в сфере гендерных отношений по сравнению с двумя предыдущими годами не могло радикально измениться, оно представлено и полно описано в работах как Российских так и зарубежных авторов и экспертов².

Принципиально новый аспект деятельности ЖСП ИОО — России 2000-го года, по сравнению с программами 1998–1999 годов, связан с тем фактом, что 2000-й год — знаковый год, в течении которого особенно активно можно поддерживать инициативы в рамках работы с женскими имиджами (и другими поло-ролевыми стереотипами) в сфере культуры, искусства, что в свою очередь будет воздействовать на сферы рекламы, массовой культуры, бизнеса³, политики.

Кроме того, отличительной характеристикой программы 2000 года является координация ЖСП ИОО — России совместной работы и взаимное усиление всех тех «точек роста», которые были поддержаны в рамках программы 1998–1999 по различным направлениям ЖСП ИОО — Россия. Для этой цели мы планируем проведение конкурса для проектов среднего уровня.

Другой важной составляющей, являющейся основной в работе ЖСП ИОО — Россия — работа на межпрограммное сотрудничество (гендерную интеграцию) инициатив женских групп и гендерных специалистов, преподавателей в другие программы ИОО — Россия (цели, задачи, направления гендерной интеграции освещаются в отчете за 1999 г.).

Также будут продолжаться операциональные программы — одна из них «Живые голоса» (Vital Voices) — и оказываться поддержка внеконкурсным грантам, что будет позволять с одной стороны вести содержательную работу и с другой стороны быть более гибкими в поддержке новых направлений ЖСП ИОО — Россия.

Приоритеты и направления поддержки проектов
в 2000 году

Исходя из всего вышеизложенного, приоритеты на 2000 год российской части Женской сетевой программы были расставлены следующим образом:

I. Образовательные программы

* повышение качества и уровня преподавания курсов по женским и гендерным вопросам посредством поддержки ведущих 10-ти центров высшей школы в России и РАН (совместно с Мега-проектом «Образование России»);

* издательская программа «Перспективы следующего тысячелетия и итоги: 10 лет независимого женского движения, 100 лет со времен суфражизма, 2000 лет истории женщин»: хрестоматии лучших текстов по истории женщин, женского движения (при поддержке Издательской программы ИОО — Россия);

* программа «Библиография женских/гендерных текстов ведущих российских библиотек» (при консультациях с Сетевой Библиотечной программой ИОО, «Пушкинская библиотека»).

II. Права женщин, гендерная экспертиза социальной и правовой реформ

* Поддержка проведения гендерной оценки мер социальной политики и политики занятости с точки зрения соблюдения принципов равных прав и равных возможностей мужчин и женщин (при поддержке программ Public Policy ИОО).

* Программа поддержки проектов социальной реабилитации военнослужащих и членов их семей

* Поддержка проектов, направленных на развитие культуры толерантности и развитие «Народной дипломатии» (совместно с программой «Горячие точки» ИОО — Россия).

* Мультипликация тренинговой программы 1998–1999 гг. Международного Института «Женщины, Право и развитие»: «Защищаем наши права: международное законодательство и механизмы защиты» 10-ю российскими участницами программы (совместно с программой «Право»).

* Гендерные вопросы выборов 2000: гендерный разрыв как источник борьбы за женский электорат (исследовательско-образовательная программа) совместно с Комитетом социологии политики международной Ассоциации политических наук и Российской ассоциацией политических наук.

* Поддержка работы женских региональных организаций по улучшению качества жизни на местном уровне (экономика выживания и домашнее хозяйство, группа взаимной помощи местных сообществ).

III. Образ женщин, гендерные стереотипы и информационные технологии

* Проекты, направленные на развитие женского искусства в Москве и поддержку современным художницам, фото-художницам и т.д. (совместно с программой «Культура» ИОО — Россия);

* тренинговая программа «Интернет-женщинам!» по женским информационным и образовательным ресурсам в Интернет (при поддержке УЦИ центров);

* образовательная программа для журналистов по продвижению наиболее позитивных образов женщин и известных женщин России в российской истории (по материалам региональных и центральных СМИ) (в сотрудничестве с программой СМИ и мегапрограммой «Образование в России» ИОО — Россия).

Сотрудничество

Деятельность программы строится на принципе сотрудничества с департаментами органов власти, призванных нести ответственность за формирование государственной политики гендерного равенства — Ко-

митеты и подкомитеты, департаменты Министерства и ведомств, Федерального Собрания, Администрации Президента, занимающихся вопросами женщин, семьи, молодежи, детей, социальной политики, наряду с вопросами занятости, малого бизнеса, образования, СМИ, здравоохранения, миграции, внутренних дел, пенитенциарной и судебной системы).

На региональном и местном уровне программа трудничают в рамках заключенных соглашений ИОО, а также исходя из других сложившихся связей программы с представителями органов власти. Ключевыми партнерами программы являются организации, с деятельностью которых связано развитие независимого женского движения в России — Ассоциация кризисных центров, Московский центр гендерных исследований и сеть гендерных исследователей, руководители государственной программы «Женских и гендерных исследований» (1994–1998) Министерства Образования, Информационный центр Независимого Женского Форума и Ассоциация региональных женских инициатив (20 регионов РФ), Консорциум женских организаций, межрегиональная Ассоциация журналисток, постоянно действующая конференция «Женщины за жизнь без войн и насилия» (регионы, республики страны Северного Кавказа, мест «Горячих точек») и сети Комитетов солдатских матерей, Сеть женщин Восток-Запад и КАРАТ-коалиция (организации ЦВЕ и СНГ), Ассоциация планирования семьи и другие. 450 наиболее активно действующих организаций на территории России.

¹ По разным оценкам в России действует от 2000 до 4000 женских организаций, ведущие женские группы и организации достаточно полно представлены в Справочнике «Женские организации в России», составители: Абукирова Н., Кшменкова Т.А., Кочкина Е.В., Регентова М., Тройнова Т.Г., М.: Издательство «Эсман», 1998 г., — 250 с.

² Римаевская Н.М. Гендер и экономический переход в России (на примере Таганрогских исследований) // Гендерные аспекты социальной трансформации. Отв. редактор Малышева М.М., М.: ИСЭПН РАН 1996 г. С. 11–25.; Посадская А.И. Социально-экономические проблемы трудовой активности женщин. Канд. диссерт. М.: Ин-т экономики АН СССР; Посадская А.И. Женская рабочая сила: природа и генезис // Римаевская Н.М. Отв. ред. Женщины в обществе: реалии, проблемы, прогнозы. М.: Наука; Ржаницына Л.С. Женщина в пореформенной экономике // Материалы первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-96», Москва: МЦГИ, 1997; Работающие женщины в условиях перехода России к рынку, руководитель Ржаницына Л.С., Москва: Институт экономики РАН, 1993; Ржаницына Л.С. Занятость и доходы женщин // Интеграция женщин в процесс общественного развития. Российская академия управления, М.: Луч, 1994 г.; Груздева Е.Б. Совмещение женщинами профессиональной и семейной ролей: проблемы и пути их решения // Интеграция женщин в процесс общественного развития. Российская академия управления, М.: Луч, 1994 г.; Мезенцева Е.Б., Равенство возможностей в занятости или «защитные меры»: женщины перед лицом выбора // Женщины и социальная политика (гендерный аспект). — Серия: демография и социология, ИСЭПН РАН, Москва, 1992 г. с. 23–48.; Женщины в обществе: реалии, проблемы, прогнозы. М.: Наука, 1991; Кап К. Заработная плата мужчин и женщин в бывшем СССР // Женщины и социальная политика (гендерный аспект), М. ИСЭПН РАН, 1992; Хоткина З.А. Новые тенденции в занятости женщин // Женщины и социальная политика (гендерный аспект), М. ИСЭПН РАН, 1992; Женщины в меняющемся мире, отв. редактор Римаевская Н.М., М.: Наука, ИСЭПН, 1992; Труд. Занятость. Безработица. Всероссийский конгресс. М.: Юридическая литература, 1995 г.; Тюрюканова Е.В. Женщины в поисках работы за рубежом. Трудовая миграция женщин из России // Материалы первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-96», Москва: МЦГИ, 1997; М.Е. Баскакова, равные возможности и гендерные стереотипы на рынке труда, М. Проект гендерная экспертиза МЦГИ, 1998 г.; Е.Б. Мезенцева, Социально-экономический контекст гендерной экспертизы, 1998 г.

³ Чирикова А. Женщины во главе фирмы // Институт социологии РАН, 1998.

book \nadezhda\4\ 1, 2, 3, 4

Московский центр гендерных исследований (МЦГИ) <http://www.gender.ru>

Московский центр гендерных исследований (МЦГИ) возник в 1990 году на базе Института социально-экономических проблем народонаселения РАН. Основная миссия МЦГИ — развитие и распространение нового гендерного подхода к анализу социальной жизни и интеграция этого подхода в научные исследования и образовательные программы. Среди главных направлений деятельности МЦГИ — проведение женских и гендерных исследований, интеграция гендерной теории в социальные и гуманитарные науки; развитие научных и общественных связей; образовательная и научно-просветительская деятельность; гендерный анализ социальной политики и гендерная экспертиза законодательства в области прав женщин; интеграция МЦГИ в международные и российские программы по правам человека; публикации и партнерские проекты. Специальный раздел сайта посвящен понятию «гендер». В разделе «Обучение» — описание проекта МЦГИ «Распространение гендерных знаний среди политиков, преподавателей высшей школы, журналистов, профсоюзных лидеров, населения». Раздел «Публикации» содержит полные тексты опубликованных исследований МЦГИ. Другие разделы — «Персоналии», «Исследовательские организации», «Глоссарий», «Новости», «Библиотека», «Результаты исследований».

Язык: русский

Женщины Шелкового пути ("Silk Road Woman") <http://www.women.kz>

Информационный сервер «Женщины Шелкового пути» ("Silk Road Woman") создан объединением «Феминистская Лига» (г. Алма-Ата, Казахстан) при поддержке Каунтерпарт Консорциума; является частью сети «Шелковый путь» — информационной сети, созданной с целью содействия построению общества равных прав и возможностей для женщин и мужчин Востока и Запада. На сервере — информация о женском движении Центральной Азии, публикации по гендерным вопросам, имена и контакты. Разделы сервера: «Организации» (страницы неправительственных организаций Центральной Азии, ссылки на партнерские организации); «Темы» (тематическая классификация материалов сервера); «Публикации» (электронные публикации о положении женщин в Центральной Азии, по гендерным вопросам, исследования, статистические данные и т.п., ссылки на другие источники); «Кто есть Кто» (персоналии известных женщин и мужчин Центральной Азии, участвующих в женском движении, ссылки на другие источники); «Проекты» (действующие и завершенные проекты женских и феминистских организаций Центральной Азии); «Общая информация» (информация о государствах Центральной Азии, о различных инициативах); «Новости» (последние новости женского движения Центральной Азии); «Конференции, семинары» (информация о текущих и планируемых конференциях, семинарах, тренингах).

Язык: русский

